

Арифмоман. Червоточина

Автор:

Александр Рудазов

Арифмоман. Червоточина

Александр Валентинович Рудазов

Арифмоман #1

Исидор Яковлевич Эйхгорн – не самый типичный обитатель планеты Земля. Незаурядный изобретатель, бывалый путешественник и исследователь аномалий. Он может собрать в гараже любое устройство, а самым интересным развлечением считает высшую математику.

Именно Эйхгорн изобрел вормолеграф – прибор, способный регистрировать пространственные разрывы. Обнаружитель червоточин. Увы, подтвердить работоспособность прибора удалось далеко не сразу, а когда наконец удалось... Эйхгорн не смог никому об этом рассказать. Ибо первая же обнаруженная червоточина перебросила его в какое-то очень странное место...

Александр Рудазов

Арифмоман. Червоточина

Внимание! Данное произведение содержит сцены курения. Помните, что курение опасно для вашего здоровья.

Глава 1

Солнце уже поднялось, но палаточный лагерь оставался тих и спокоен. Слишком хорошо вчера приняли, отмечая первый день экспедиции. Мало кому хотелось в пять утра выползть из теплых спальников.

Снаружи, несмотря на середину августа, было прохладно. Промозглый ветер развеивал висящие на шесте подштанники, а термометр показывал плюс одиннадцать по Цельсию. На берегах Алдана в такую рань теплее обычно и не бывает.

Но в одной палатке все-таки зашебуршилось. Вылезший оттуда кутался в плед и недовольно обозревал мироздание из-под стекол очков.

Увиденное не доставляло ему никакой радости.

Но наружу он все-таки вылез. Зевая так, что едва не вывихнул челюсть, и чувствуя, как череп раскалывается изнутри – но вылез. Проглотил таблетку аспирина, запил водой из бутылки – и сразу почувствовал себя лучше.

Подлинно великий ум даже с похмелья остается трезвым и собранным.

Ночью прошел дождь. Кострище насквозь промокло, в забытой миске лежали грязные шампуры. Глядя на них, Эйхгорн всерьез подумал, не завалиться ли снова на боковую, но в конце концов таки принялся одеваться.

Ему до смерти хотелось курить, а делать это в лагере – поссориться с попутчиками. Коллектив, как назло, подобрался сплошь некурящий, и табачный дым всех раздражал. Не желая портить отношения, Эйхгорн смолил папиросы в гордом одиночестве.

С собой он прихватил удочку. Лагерь расположился не совсем на берегу, но достаточно близко. Пять минут по раскисшей земле – и Эйхгорн уже сидит на удобной коряге, словно нарочно уложенной кем-то у самого края.

Возможно, ее действительно кто-то сюда уложил. Местечко совсем дикое, далекое от обычных туристических маршрутов, но чем черт не шутит? Вполне мог забрести какой-нибудь рыболов, вроде того же Эйхгорна. Он сам, бывало, и не в такую глухомань забредал.

Червяков Эйхгорн копать поленился. Собрал по дороге тех, что сами выползли после дождя. Сейчас они извивались в консервной банке, служившей Эйхгорну заодно и пепельницей.

Насадив на крючок самого жирного червя и зажегши мятую сигарету, Эйхгорн почувствовал полное умиротворение. Не то чтобы он сильно увлекался рыбалкой, однако этот процесс всегда настраивал его на благодушный лад.

И теперь, когда наш герой мирно сидит с удочкой и сигаретой, самое время рассмотреть его поближе. Исидор Яковлевич Эйхгорн, сорока двух лет от роду, кандидат технических наук, работает в конструкторском бюро. Росту не высокого, но и не низкого, телосложением худощав, однако не слишком, осанку имеет скверную, постоянно сутулится.

Голова формой напоминает сушеный баклажан – слегка удлиненная, с заостренным подбородком, тонкими губами и несколько длинноватым носом. Волос на голове не имеется – хоть с лупой ищи. Лысеть Эйхгорн начал уже в тридцать, а к сорока его макушка окончательно приобрела сходство с очищенным яйцом. Зато подбородок его и верхняя губа покрыты предлинной щетиной, которая, однако ж, не настолько длинна, чтобы именоваться бородой.

Глаза посажены глубоко, имеют блекло-голубой цвет и лишены всякого выражения. Иной раз кажется, что то и вовсе не человека глаза – скорее уж снулой рыбы. Эйхгорн чрезвычайно близорук, оттого всегда носит очки в металлической оправе.

Вокруг царил тишина. Берег в этом месте немного поднимался, защищая от ветра, а речное русло чуть изгибалось, образуя затон. Вода в нем стояла почти неподвижно, и ее покрывала ряска. В воздухе противно гудел гнус. Вымазанный репеллентом человек был ему недоступен, и гнус бессильно злобствовал.

Скучно глядя на поплавок, Эйхгорн размышлял о том, что родился в неудачное время. Эпоха великих географических открытий давно закончилась – на Земле больше нечего открывать и исследовать. Не осталось смысла бороздить океаны и искать по джунглям затерянные города. Все уже давно нашли, нанесли на карты, сфотографировали и поставили будки с сувенирами. Разве что снежный человек еще где-то скрывается, да и то – пойдя поймай его, неуловимого.

Несомненно, через несколько десятилетий начнется эпоха великих космических открытий, еще более интересная и многообещающая, но Эйхгорн до нее уже не доживет.

А путешествовать он ох и любил! Одни ездят в отпуск на Кипр или в Турцию – загорать на пляжах. Другие предпочитают Рим или Париж – гулять по музеям и выставкам. Третьим нет места милее, чем лыжный курорт или целебные воды. Однако Эйхгорн считал все это скучным, каждый год срываясь куда-нибудь в глушь на поиски неизведанного.

Тундра, тайга, пустыня, горные пики – вот куда он ездил, отдыхая в таких местах, где и само-то слово «отдых» звучит отчасти противоестественно. Он увлекался дайвингом, рафтингом, альпинизмом, спелеологией, парашютным и планерным спортом.

Однако самым интересным для него всегда были физические аномалии. И то было не пустое любопытство. Еще десять лет назад, когда Эйхгорн чинил унитаз, ему в голову пришла идея, которая оттуда уже не ушла. Годами она развивалась и развивалась, пока не оформилась в схему, а затем получила и материальное воплощение.

Вормолеграф. Вот как этот изобретатель назвал свое детище. Он же – обнаружитель червоточин. Дыр в пространстве. Эйхгорн был абсолютно уверен, что они есть в космосе, и допускал возможность их наличия на поверхности планеты.

В микромасштабе, разумеется.

С самого института, опираясь на Эйнштейна и Шварцшильда, Эйхгорн строил собственную теорию кротовых нор. Но ему было мало теории. Он хотел пойти дальше, хотел получить фактическое доказательство. И именно для того, чтобы оно нашлось, он и сконструировал не имеющий аналогов измерительный прибор. Устроен тот был не сложнее, чем счетчик Гейгера, но до Эйхгорна никто до такого почему-то не додумался.

Сильнее всего эта штука напоминала крохотный осциллограф. Только у нее была еще и стрелка. Большую часть времени она оставалась в неподвижности, но

иногда чуть заметно дергалась – и тогда Эйхгорн весь подбирался.

Увы, тревога неизменно оказывалась ложной. Но в этот раз, возможно... Эйхгорн потому и присоединился к этой экспедиции, что надеялся проверить свое изобретение на практике. Давно уже ходят слухи о странной аномалии в этих местах.

Вроде бы кто-то даже видел ее своими глазами.

Эйхгорн и сейчас периодически поглядывал на свой вормолеграф. Размером даже меньше наручных часов, он отлично помещался на запястье. Эйхгорн и собрал-то его в корпусе от старых спортивных часов – даже стрелку прежнюю оставил.

Пока что та не двигалась.

– Как водичка? – раздался сиплый голос.

– Теплая, ныряй, – ответил Эйхгорн, подвигаясь на коряге.

Рядом уселся Извольский. Неформальный лидер экспедиции. Формального лидера не было, поскольку считалось, что здесь все лепшие кореша и никто не главнее друг друга. Но на деле тон задавал Извольский, а остальные следовали за ним, как гусята.

– Не работает твой Е-метр? – спросил Извольский, кивая на вормолеграф.

Эйхгорн неопределенно пожал плечами. Извольский не верил в его изобретение. В общем-то, никто не верил. Эйхгорн сам был полон сомнений, временами подозревая, что вся его теория – одно большое заблуждение.

Впрочем, долго это не длилось. Если в чем Эйхгорн и знал толк, так это в вычислениях – и в своих расчетах он не видел ошибок. Нужно просто еще немного довести проект до ума... или наконец отыскать хотя бы одну настоящую червоточину.

Можно совсем крошечную.

– И не работает, – подытожил Извольский, тоже закуривая. – Шарлатан ты, Сидор.

В отличие от Эйхгорна, он курил электронные сигареты, а обычные считал вонючим ужасом. Всех, кто с ним не соглашался, Извольский глубоко презирал и при любом случае объяснял, насколько это скверная привычка. Так, Эйхгорну он сел на уши в первый же день, но тот лишь молча смотрел снулым взглядом, и Извольскому стало скучно.

– Поймал что-нибудь? – поинтересовался он.

Эйхгорн не удостоил его ответом. У Извольского есть глаза и интеллект. Он должен видеть, что рядом с Эйхгорном нет ничего, похожего на рыбу или контейнер, в котором та могла бы находиться. Следовательно, он должен понимать, что Эйхгорн ничего не поймал. Следовательно, его вопрос – пустое сотрясение воздуха, и отвечать не имеет смысла.

– И ничего-то мы здесь не поймаем, – задумчиво молвил Извольский, выпуская клуб пара. – Зря мы сюда вообще приехали.

Эйхгорн молча смотрел на поплавок. У них с Извольским разные цели. Эйхгорн надеялся найти пространственную аномалию, Извольский – следы инопланетян. Этот прожженный уфолог уже много лет искал пришельцев по всему миру – безрезультатно, конечно.

Среди российских уфологов Извольский считался авторитетным специалистом. Верный последователь Черноброва, он написал две книги, проводил какие-то курсы для начинающих, несколько раз даже выступал по РЕН ТВ.

Эйхгорн не смотрел.

В юности Эйхгорн тоже увлекался уфологией. Потом он к ней поостыл, но связи с любителями этого дела продолжал поддерживать. Благо места их интересовали те самые, что требовались и Эйхгорну – аномальные, богатые необъяснимыми происшествиями.

Конечно, его попутчикам удача улыбалась ничуть не чаще, чем ему самому. Почти все «аномалии» после тщательного изучения оказывались просто утками.

Например, пару лет назад Эйхгорн столкнулся с интересным на первый взгляд случаем – на лесной поляне появилась странная окружность шести метров в диаметре. Трава внутри пожухла и примялась, а края опалились. С наружной стороны круга недалеко от края – четыре небольшие симметричные ямки.

След посадки НЛО!

Однако опрос местных жителей и визит в пожарную часть быстро прояснили дело. На том месте всего лишь стоял большой стог сена – он загорелся, был потушен, а остатки увезли. Углубления – следы от жердей.

И никаких сенсаций.

Бывают и целенаправленные фальсификации. Так, в прошлом году Эйхгорну показывали любопытную штуковину, похожую на те «визитные карточки», которые вкладывают в космические зонды-автоматы. Металлическая пластинка, на ней выгравирован атом водорода, двойная спираль ДНК, семь разного размера кружочков, один из которых подчеркнут, странное большеголовое существо и еще несколько непонятных значков. Хозяин пластинки утверждал, что нашел ее в собственном огороде, копая яму под сортир.

Казалось бы, сенсация, послание со звезд... но увы, оказалось, что это банальная подделка. Опрашивая соседей, Эйхгорн случайно увидел у одного из них на полке очень похожую пластинку, только с другим изображением. Припертый к стенке, парень со смехом сознался, что увлекается чеканкой по металлу, а «послание инопланетян» состряпал, чтобы разыграть приятеля. Ну и подбросил незаметно в яму, когда помогал копать.

И никаких сенсаций.

– Сидор, вот ты математик, – сказал Извольский. – Ты в тервере разбираешься?

В глазах Эйхгорна промелькнуло осмысленное выражение. Разбирается ли он в теории вероятностей? Разбирается ли... а свиньи разбираются в трюфелях?

– Разбираюсь, – со всем возможным сарказмом ответил Эйхгорн.

Извольский сарказма не уловил.

– Вот тогда скажи мне – сколько в нашей Галактике должно быть цивилизаций? По теории вероятностей?

– Задача поставлена некорректно, – сразу ответил Эйхгорн. – Недостаточно данных. Из достоверных фактов мы обладаем только данными о нашей звездной системе, причем все еще очень неполными, а также о приблизительном количестве звезд в Галактике. Также нам известно, что у большинства из них, по всей видимости, имеются планеты. Вычислить на основе этого гипотетическое количество разумных цивилизаций не представляется возможным. Существует, конечно, уравнение Дрейка, но оно основывается исключительно на предположениях и на данный момент в принципе не проверяемо.

– Но ты согласен, что их должно быть очень много? – настаивал Извольский. – Согласен? Сто миллиардов звезд! Сто миллиардов!..

– Двести.

– Что?..

– Их по крайней мере двести, – сухо повторил Эйхгорн. – А скорее всего, еще больше. Возможно, до четырехсот.

– Четырех... – чуть не подавился Извольский. – Я, б... недоумеваю просто! Сотни миллиардов!.. И это только в нашей Галактике!.. Сколько их там должно быть, пришельцев?! Если даже хотя бы на одной из тысячи – уже сотни миллионов! На одной из ста тысяч – все равно миллионы! Ну и почему?!

– Почему что?

– Почему они с нами не контактируют?! Почему, вот ты мне скажи?!

– Навскидку могу придумать три возможных объяснения, – безразлично ответил Эйхгорн.

– Ну-ка?.. – прищурился Извольский.

– Первое, – загнул палец Эйхгорн. – Там никого нет. Сотни миллиардов звезд – это еще ничего не значит. Нам известна одна-единственная населенная планета – наша. И мы понятия не имеем, является ли наш мир нормой или аномалией. Возможно, разум или даже жизнь как таковая – настолько редкое явление, что контактировать просто некому. Возможно даже, Земля – вообще уникальный объект во Вселенной, единственный в своем роде. Или возможно, что межзвездное сообщение настолько трудно чисто физически, что все другие цивилизации тоже сидят на своих планетах, гадая – а почему с ними никто не контактирует? Также не исключено, что мы всех опередили в техническом развитии, и это как раз мы через несколько веков будем просвещать отсталых инопланетян.

– В это я не верю, – отмахнулся Извольский.

– Второе, – загнул другой палец Эйхгорн. – Мы живем в заповеднике. Возможно, у них, кем бы они ни были, запрещены контакты с малоразвитыми цивилизациями. Первая Директива и все такое. Возможно, за нами наблюдают, нас изучают, но в диалог вступать не собираются. Также возможно, что контакты запрещены не с неразвитыми цивилизациями в целом, а конкретно с Землей – по некой неизвестной нам причине.

– Ага. Это более логично. А третье объяснение?

– Третье, – снова загнул палец Эйхгорн. – Мы никому не нужны. Возможно, с нами в контакт не вступают по той же причине, по которой серьезные державы не отправляют послов к бушменам и алеутам. Возможно, мы просто ни у кого не вызываем интереса. Опять же – нас могут изучать, наблюдать... как мы наблюдаем за стаями шимпанзе, но разговаривать с нами им просто не о чем. Не доросли мы еще до контактов.

Извольский вынул изо рта сигарету и плюнул в воду. Он не считал себя не доросшим до контактов.

– Также можно сочинить множество теорий типа того, что мы живем в виртуальной реальности или окружены искусственной сферой с нарисованными

звездами, но это уже явная галиматья, – закончил Эйхгорн. – А вообще-то, парадокс Ферми давно пережевали все, кому не лень.

– Да знаю я, знаю...

Извольский снова плюнул в воду и слез с коряги. Шмыгнув носом, он посмотрел на небо и буркнул:

– Дождь собирается. Пойду я к нашим.

Эйхгорн продолжал смотреть на поплавок. В его мыслях никакого Извольского рядом уже не было, а были только река и удочка.

А потом поплавок вдруг дернулся. Эйхгорна это несказанно удивило – на рыбалке ему не везло просто отчаянно, и поклевки случались только по большим праздникам. Крепко схватившись за удище, он принялся крутить катушку.

Стерлядь. То оказалась самая настоящая живая стерлядь, килограмма в полтора весом. Лучший улов Эйхгорна за всю его жизнь. Даже выброшенная на траву, она билась еще очень долго.

Глядя на это, Эйхгорн достал диктофон и сделал аудиозаметку:

– Одиннадцатое августа две тысячи четырнадцатого года. Местное время – шесть часов пятьдесят пять минут. Поймал на удочку живую стерлядь. Конец заметки.

Извольского рядом действительно уже не было, и оценить удачу Эйхгорна было некому. Он задумался, что делать с таким неожиданным уловом.

Стерлядь относится к редким видам, занесена в Красную книгу. Ловить ее специально Эйхгорн не стал бы. Но он вовсе и не рассчитывал ее поймать... честно говоря, он не рассчитывал поймать хоть что-нибудь. До сего момента он даже не знал, что стерлядь водится в Алдане.

Отпускать ее бессмысленно. Крючок сильно повредил рыбе рот, так что выживет она едва ли. Самый логичный и разумный вариант – съесть. Вряд ли уфологи

откажутся от стерляжьей ухи.

Ни кукана, ни ведра у Эйхгорна не было. Так что он понес рыбу как есть, на конце лески, по дороге машинально пересчитывая костяные щитки.

Их оказалось сто шестьдесят пять.

Эйхгорн с раннего детства страдал легкой формой арифмомании. Он чувствовал буквально физическую потребность все подсчитывать, измерять и систематизировать. Мозг постоянно требовал новой информации, желал что-нибудь обрабатывать, решать и вычислять. Ребусы, шарады, головоломки занимали его ненадолго – Эйхгорн щелкал их, как орешки. Беря в руки sudoku, он просто писал числа одно за другим, словно перед глазами стоял готовый ответ.

Еще в шесть лет маленький Исидор вычислил площадь всех комнат в квартире – и в том возрасте это было чертовски нелегко. Чтобы справиться со шкафами, пришлось пойти на немалые ухищрения.

Он закончил работу только через несколько дней, после чего пошел похвастаться к отцу. Папа посмотрел на листок, похвалил сына, а потом нахмурился и достал из большой коробки на серванте какие-то бумаги. Перепроверив расчеты сынишки, он издал сдавленное хмыканье, надел пальто и ушел скандалить в домоуправление.

Арифмомания Эйхгорна не требовала медикаментозного лечения. Прилагая волевые усилия, он вполне мог ее подавлять. Другое дело, что обычно он этого не делал, поскольку не видел ничего плохого в умственных упражнениях.

– Я поймал стерлядь, – заявил Эйхгорн, подходя к палаткам. – Татьяна, одолжи безмен, у тебя есть, я помню... так, а где все?..

Ответом ему было молчание. В лагере стояли только пустые палатки.

Эйхгорн обыскал лагерь со всей дотошностью. Не пропустил ни единой палатки, заглянул под каждый кустик, и даже на всякий случай перетряс рюкзаки.

Нигде не было ни души.

Несчастливая стерлядь сразу отошла на задний план. Эйхгорн положил ее в котелок с недочищенной картошкой и принялся напряженно размышлять.

Первым делом он, естественно, попытался позвонить Извольскому или Гриневой, но смартфон грустно моргал красным крестиком. Связи не было.

Оно и понятно – такая глушь. Не так уж много найдется на планете более удаленных от цивилизации уголков. Полярные зоны разве что.

– Алексей!.. – окликнул Эйхгорн, приложив ладони ко рту. – Татьяна!.. Виталик!.. Ау, кто-нибудь!..

Прямая связь тоже результатов не дала. Если Эйхгорна кто и услышал, дать о себе знать он не соизволил.

Он крикнул еще несколько раз, но голос быстро затух среди деревьев. Лиственницы окружали лагерь сплошной стеной, и эхо в них мгновенно гасло.

Другой человек на месте Эйхгорна как минимум бы занервничал. Возможно, даже запаниковал. Но Исидор Яковлевич Эйхгорн был не из тех, кто паникует. Хладнокровный и рассудительный, любую экстренную ситуацию он воспринимал просто как задачу, требующую решения.

И сейчас он принялся ее решать.

Крови на траве нет. Не заметно и следов борьбы. Ничего не сломано, не порвано и не перевернуто. Значит, люди из лагеря ушли добровольно. По собственной инициативе или из-за некоего неизвестного фактора, но добровольно.

А судя по нетронутым вещам, уходили в страшной спешке. Даже чайник на плитке бросили. А раз вода еще не выкипела – ушли буквально пару минут

назад.

Похоже, ребята ужасно куда-то торопились. Возможно, их что-то напугало.

Вспомнить о Эйхгорне они, конечно, не удосужились. Ему не оставили ни записки, ни какого-нибудь знака. Он попытался что-то определить по следам, но не преуспел.

Теперь у Эйхгорна было два варианта действий. Первый – оставаться на месте и ждать. Второй – дойти до ближайшего населенного пункта и вызвать полицию.

Эйхгорн избрал второй вариант. Ему не очень хотелось сидеть в пустом лагере и надеяться, что все просто решили пойти по грибы. В любой непонятной ситуации он предпочитал действие бездействию.

Ближайший населенный пункт – деревня Малые Дудки. Туда уфологи приехали из Якутска на машине, а уже потом – семь километров пешком по лесу. Местечко глухое, почти что брошенное – из тридцати домов больше половины пустуют, а в остальных живут в основном одинокие старики. Но телефон там есть, связаться с большим миром можно.

К тому же ребята скорее всего пошли в том же направлении. Больше просто некуда – с остальных сторон только глухая тайга. Если поторопиться, Эйхгорн может их даже нагнать.

Эйхгорн вытащил из палатки рюкзак и быстро принялся собираться. Зря, совершенно зря он вчера распаковался – но кто же мог знать?

В рюкзак полетела одежда, нижнее белье, запасная обувь, кепка, полотенце. Туда же отправились гигиенические принадлежности – от дезодоранта до зубной пасты.

Затем аптечка – Эйхгорн машинально раскрыл ее, проверяя, все ли на месте. Градусник, бинт, пластырь, хирургическая игла с нитью, жгут, йод, аспирин, цитрамон, ампициллин, валидол, супрастин, но-шпа, нашатырный спирт, пищевая сода, марганцовка и активированный уголь – кроме принятой утром таблетки все на месте.

Котелок. Полуторалитровый, на одного человека.

Компас. Надежный горный компас в водонепроницаемом футляре.

Нож выживания из нержавеющей стали. Незаменимая вещь в любой точке планеты. Лезвие с одной стороны гладкое, с другой зубчатое. В рукояти дополнительные инструменты – отвертка, открывалка, штопор, ножницы, шило, крючок, напильник и лазерная указка.

Запасная зажигалка. Газовая, почти полная.

Рулетка. Пять метров длины. Всегда пригодится в дороге.

Динамо-фонарик. Вжикаешь – светит. В зарядке не нуждается, в батарейках не нуждается – только в мускульных усилиях.

Комплект батареек. Шесть штук, нераспечатанных.

Репеллент. Сунешься без него в тайгу – станешь добровольным донором.

Зарядное устройство для смартфона. Впрочем, в тайге его подключить некуда.

Внешний аккумулятор. Для зарядки в полевых условиях, дает смартфону три дополнительных срока.

Бинокль... бинокля в палатке не оказалось. Видимо, кто-то из ребят взял попользоваться.

Шесть банок пива. Исключительно светлого – темное Эйхгорн не любил.

Девять пачек сигарет. Эйхгорн взял с собой блок, но десятую пачку уже частично выкурил.

Кулек с одноразовыми тарелками, стаканами, ложками и вилками.

Провизия. Палка сырокопченной колбасы, две сосиски (остальные вчера съели), упаковка нарезного хлеба, кусок твердого сыра, лук и чеснок, кулек гречи, кулек макарон, кулек ржаных сухариков, четыре упаковки растворимой вермишели, три упаковки картофельного пюре, шесть банок тушенки, баночка подсолнечного масла, банка сгущенки, два козинака, большая плитка горького шоколада, бутылка кетчупа, сахар, соль, перец. Растворимый кофе. Двухлитровая бутылка воды. Подумав, Эйхгорн перелил в термос кипяток из чайника.

Некоторое время он еще размышлял, не прихватить ли с собой злополучную стерлядь, но решил все же ее оставить. Подходящего контейнера для свежей рыбы под рукой нет, а класть ее в рюкзак абы как – провонять все вещи.

Спальник и палатку Эйхгорн забирать тоже не стал. Слишком долго разбирать их и укладывать. Пусть лежат – он сюда всяко еще вернется.

Не взял он и удочку.

Вероятно, еще лучше было бы вообще оставить рюкзак и пойти налегке, но это Эйхгорну почему-то не пришло в голову. Может, он просто не представлял себя в тайге без минимального комплекта необходимых вещей.

Зато ему пришло в голову, что неплохо бы прихватить и что-нибудь для самозащиты. Он точно знал, что кто-то из ребят привез ружье. Как в тайге без ружья-то? Тут и медведь может случиться, и браконьеры.

Но ничего огнестрельного Эйхгорн в палатках не нашел. Только ножи и пара топоров. Но нож у него имелся свой, а тащить топор не хотелось.

Вместо оружия Эйхгорн нашел в палатках множество ценностей. Деньги, документы, телефоны, парочка ювелирных украшений. Народ действительно уходил впопыхах, внезапно... или же планировал сразу же вернуться.

Так или иначе, все это очень-очень странно.

Некоторое время Эйхгорн размышлял, не забрать ли деньги и документы с собой, но в итоге решил ничего не трогать. На несколько километров вокруг нет

ни единого человека – маловероятно, что именно сегодня в лагерь забредет посторонний. А если ребята вдруг вернуться и не обнаружат своих вещей, Эйхгорн попадет в двусмысленную ситуацию. Могут и в мародерстве заподозрить.

Не стал Эйхгорн трогать и оборудование уфологов. Оптический телескоп на треноге, профессиональную видеокамеру, метеозонд и тот загадочный оранжевый контейнер, ключ от которого Извольский всегда носил при себе. Весит это добро немало, тащить его на себе не хочется, да и не нужно оно Эйхгорну.

Единственное, что он взял – ключи от минивэна.

И еще чей-то айпод. Но только потому, что тот валялся в траве, явно оброненный кем-то из уфологов. Нельзя же так его бросать – подплывет, испачкается, а вещьца недешевая. Надо бы положить в палатку... только непонятно, в которую из четырех.

Ладно, с этим еще успеется. Эйхгорн надел рюкзак и в последний раз оглядел лагерь, проверяя, не забыл ли чего. Взгляд упал на лежащий у кострища безмен. Гринева оставила – она всегда возит его с собой, чтобы точно распределять продукты. Произведен в 1987 году, принадлежал еще ее бабушке.

Эйхгорн зачем-то поднял его, даже дернулся к своей стерляди, чтобы так взвесить ее... но вдруг заметил кое-что на левом запястье. Вормолеграф, уже пару лет заменявший своему создателю наручные часы, проявлял активность.

– Прибор засек аномалию, – произнес Эйхгорн в диктофон, машинально бросая безмен в кусты.

Стрелка дергалась. Не так, как во все предыдущие разы, когда Эйхгорн не был уверен даже, что ему не привиделось. Нет, она явственно ходила из стороны в сторону.

Эйхгорн ожидал этого момента очень-очень долго. Но теперь, когда тот и в самом деле наступил, ему стало как-то не по себе. Поправив рюкзак, он принялся водить рукой, ища источник сигнала... и довольно быстро его нашел.

Для этого понадобилось всего лишь поднять голову.

Высоко в небе висело нечто вроде расходящегося кольца дыма. Только было оно гигантских размеров и был это не дым, а именно облако – почти идеальной формы тор. Этот облачный тор слегка светился и медленно увеличивался в диаметре – в точности как кольцо табачного дыма, выпущенное курильщиком.

Эйхгорн немедленно включил видеозапись и заговорил в диктофон:

– Одиннадцатое августа две тысячи четырнадцатого года. Местное время – семь часов тридцать две минуты. Нахожусь в Республике Саха, ближайший крупный населенный пункт... черт его знает. Хандыга, кажется. Веду наблюдение с поверхности земли. Ясно, температура воздуха – плюс четырнадцать по Цельсию, ветер северный, переменный. Наблюдаю необычное явление...

По мере того, как Эйхгорн описывал увиденное, облачный тор опускался все ниже. К тому же он перестал расширяться... более того, начал сужаться.

И Эйхгорн стоял в самом его центре.

– Пока рано судить о природе этого явления, но есть предположение, что это кротовина, – продолжал он говорить. – Постараюсь приблизиться на максимально доступное расстояние и сделать замеры.

Слишком поздно Эйхгорн понял, что оказался в ловушке. Увлеченный наблюдением, он даже не пытался отойти подальше. А когда наконец спохватился, облачный тор был уже не сверху, а вокруг него.

Стрелка вормолеграфа металась, как сумасшедшая.

– Судя по всему, неизбежен физический контакт, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – Если останусь в живых, опишу ощущения подробно.

Больше он ничего продиктовать не успел, поскольку облачный тор вдруг... вспыхнул. Его края взметнулись короной голубого огня, а в центре засветилось гало, похожее на дискообразную шаровую молнию.

Эйхгорн почувствовал, как волоски на теле встают дыбом. Перед глазами все поплыло, возникло ощущение, словно земля и небо меняются местами. На какую-то секунду Эйхгорн утратил вес, а к горлу подкатил комок.

Потом раздался будто беззвучный грохот, и все исчезло.

Минут через десять к палаткам подошли шесть очень воодушевленных людей. Извольский размахивал руками, Гринева с Дроздовой тыкали пальцами в планшет, супруги Лаптевы тараторили один другого громче, а Виталик Лабартюк просто молча шагал с улыбкой до ушей. На груди у него висел бинокль.

- Потрясающее атмосферное явление! - громко восхищался Лаптев.

- Потрясающее! - соглашалась Лаптева. - Ты всё заснял?!

- Все всё засняли, успокойся.

- Но это не НЛО, - с легкой грустинкой произнес Извольский. - К сожалению.

Все согласились, что да, очень жаль, но не НЛО. Просто очень необычной формы лентикулярное облако. Явление крайне редкое и удивительно красивое, но ничего аномального в нем нет.

- Люди, мой айпод никто не видел?.. - спросил Виталик, оглядывая траву. - Выронил где-то... эй, гляньте!.. Тут рыба живая в котелке!.. Стерлядь, прикиньте!..

- А Сидор же на рыбалке был, - вспомнил Извольский. - Где он сам-то?..

- Сидо-ор!.. - крикнула Гринева.

- Сидор, ау!..

- Исидор Яковли-ич!..

Ответа не было. Только ветер трепал край опустевшей палатки.

Глава 3

Когда Эйхгорн очнулся, было уже совсем темно. Похоже, без сознания он пробыл часов пятнадцать. Во рту стоял горький привкус, как будто его только что вырвало.

Некоторое время Эйхгорн еще лежал на траве, осознавая произошедшее. Судя по тому, что он по-прежнему под открытым небом, его никто не нашел. Значит, уфологи в лагерь так и не вернулись, иначе по крайней мере перенесли бы его в палатку.

Но понемногу глаза привыкли к темноте, и Эйхгорн понял, что находится не в лагере. Палаток вокруг нет, никаких других вещей тоже. Да и место явно совсем другое. Уфологи остановились на крохотной полянке, этакой проплешине рядом с сухим овражцем. А здесь ничего подобного не видно, только сплошные ряды деревьев.

Причем не тех деревьев. Возле лагеря росла в основном лиственница, кое-где попадалась ольха. Здесь же... в такой темноте Эйхгорн затруднялся определить древесные породы, но на лиственницу это точно не похоже. Скорее уж дубы, вязы, бересклеты.

– Занимательное явление, – сделал аудиозаметку Эйхгорн. – По всей вероятности, моя гипотеза подтвердилась – это действительно кротовина. Не подлежит сомнению, что я переместился в пространстве. Вопрос лишь в том, на какое именно расстояние.

Вормолеграф молчал, стрелка больше не двигалась. Эйхгорн убрал диктофон и решил попробовать сориентироваться на местности.

Физические ощущения были вполне обычными. Воздух пригоден для дыхания, сила тяжести не изменилась, атмосферное давление вроде бы нормальное. Уже неплохо.

Небо ничего полезного не сказало. Слишком пасмурно – нет ни звезд, ни луны. Впрочем, сегодня предновогодние, так что луна все равно была бы почти не видна.

Смартфон работал, но сеть по-прежнему не находил. Равно как и GPS. Полная пустота.

Определить точное время тоже не удавалось – на смартфоне сбросились все настройки. Видимо, из-за прохождения через червоточину. Дисплей мигал бесполезным «0:00».

Компас указывал... куда-то. На север, понятное дело, но это знание Эйхгорну сейчас ничем не помогало.

Несмотря на то, что он очутился непонятно где, настроение у него было приподнятым. Ведь он наконец-то получил фактическое доказательство существования червоточин. Экспериментально подтвердил функциональность своего изобретения. Это стоит того, чтобы заблудиться в лесу.

Но оставаться здесь все равно не хочется. Кому Эйхгорн тут расскажет о своем открытии – белкам и медведям?

Их, впрочем, тоже не видно. Да и гнус совсем не докучает.

Нет, надо выбираться к людям, к цивилизации. Обернувшись вокруг своей оси, Эйхгорн пристально рассмотрел все пути. Дорог и троп заметно не было, но к северо-востоку деревья росли несколько реже. В том направлении он и зашагал.

Какое-то время Эйхгорн машинально считал деревья. Дойдя до восьмидесяти второго, остановился и задумался, не в силах решить, мелкое ли перед ним деревце или особо вымахавший кустарник.

В темноте было трудно разобрать.

Так или иначе, счет на этом прервался, и дальше Эйхгорн шагал уже просто так. От скуки он начал слушать айпод, но ему быстро надоело. Судя по музыке, процентов на девяносто состоящей из тяжелого металла, эта штукавина

принадлежала кому-то из молодежи – Виталику или Галке Дроздовой. У современной пацанвы совершенно нет вкуса.

То ли дело старый биг-бит. Вот это была музыка.

Небо понемногу светлело. Стало ясно, что со временем Эйхгорн не угадал – без сознания он провел не пятнадцать, а все двадцать часов. Весь день и большую часть ночи.

Крепко его приложило, похоже.

Или же – он не исключал и такой вариант – кротовина переместила его куда-то в другой часовой пояс. Возможно, он сейчас где-нибудь в Финляндии или Канаде.

Лучше в Канаде. По-английски Эйхгорн говорил свободно, по-французски тоже мог объясниться. По-фински же знал только слово «perkele», причем не был до конца уверен, как оно переводится.

Эйхгорн продолжал целеустремленно шагать на северо-восток. Он понятия не имел, есть ли там что-нибудь полезное, но раз выбрав направление – придерживался его. Периодически он сверялся с компасом.

Снова захотелось курить. Эйхгорн извлек из кармана и недовольно осмотрел уже полупустую пачку. Вчера он выкурил восемь сигарет, сегодня одну. Осталось одиннадцать. И еще сто восемьдесят лежат в рюкзаке.

Запас довольно приличный. Эйхгорн не был таким уж заядлым курильщиком, в день выкуривал примерно полпачки, так что блока ему хватало недели на три.

Есть тоже хотелось все сильнее. Эйхгорн не успел позавтракать и понятия не имел, сколько времени пробыл без сознания. Но живот напоминал о себе все настойчивее.

Эйхгорн решил сделать привал и перекусить. Он в последний раз затянулся и машинально поискал глазами урну. Разумеется, в лесу ее не оказалось. Класть хабарик в карман было негигиенично, и пришлось таки загрязнять природу.

Совестно, а ничего не поделаешь.

Раньше Эйхгорн не испытывал моральных терзаний, бросая хабарики на землю. Но этой весной ему довелось на добровольно-принудительных началах участвовать в субботнике. Очищая вскрывшийся от снега газон, он, разумеется, машинально подсчитывал и систематизировал убранный мусор.

Всего там обнаружилось восемьдесят девять единиц. Из них:

Банок из-под лимонада – 1.

Трамвайных билетов – 1.

Обертки от мороженого – 1.

Обертки от шоколада – 2.

Бумажек невыясненного происхождения – 2.

Бутылочных крышек – 4.

Пачек из-под сигарет – 6.

Хабариков – 72.

После этого он невольно задумался, насколько бы чище стали города, если бы люди не курили или хотя бы не бросали хабарики на землю. Количество мусора реально уменьшилось бы в несколько раз.

Впрочем, в экстренной ситуации можно пренебречь обычными условностями. Один хабарик не сможет сколько-нибудь заметно нарушить экологический баланс тайги.

Сделав такой вывод, Эйхгорн зажег новую сигарету.

Небо совсем посветлело. Солнца за лесной стеной видно не было, но оно явно уже выбралось из-за горизонта. Так что Эйхгорн уселся завтракать.

Костра разводить он не стал, но питаться всухомятку ему тоже не хотелось. Кипяток в термосе еще не остыл – Эйхгорн залил растворимую вермишель, выждал несколько минут и принялся есть. Жевал он равнодушно, безо всякого аппетита – просто восполнял нехватку калорий.

На оставшемся кипятке он заварил кофе. Прихлебывая жидкий, почти безвкусный напиток, Эйхгорн сумрачно рассматривал ботинки. Не мешало бы их почистить и подсушить. Надо будет этим заняться во время обеденного привала.

Если, конечно, Эйхгорн к тому времени не выберется из леса.

Допив кофе и закопав под деревом пустую упаковку из-под вермишели, Эйхгорн снова взвалил на плечи рюкзак. Тот стал чуточку легче.

Оказалось, привал Эйхгорн сделал уже на краю леса. Не прошло и пяти минут, как он вышел на опушку. И вот тут-то его крепко проняло. Он даже снял и протер рукавом очки.

Выходя из леса, Эйхгорн рассчитывал обнаружить поле, реку, дорогу. Шоссе или железку. Если повезет – населенный пункт. Населенный пункт он и обнаружил... только был это ну очень нетипичный населенный пункт.

Впереди вздымалась крепостная стена. Выложенная из серого камня, с зубчатыми башенками, окруженная узким рвом. За ней виднелись треугольные зеленые кровли, а в центре – белые купола и шпили, похожие на свадебный торт.

Дворец. Самый натуральный дворец, словно явившийся из диснеевской сказки. Где бы Эйхгорн ни находился, он совершенно точно уже не в Якутии. Да и вообще для Восточной Сибири характерен совершенно другой архитектурный стиль.

Пару минут Эйхгорн просто рассматривал удивительное явление. Потом сделал несколько снимков и заговорил в диктофон:

– Будем рассуждать логически. Объяснение первое – это сон. Исключено, поскольку я удивлен. Известно, что во сне все воспринимается как должное, так что удивиться там невозможно. То же самое касается сумасшествия. Галлюцинации маловероятны, поскольку я в данный момент трезв, а вещества употреблял всего дважды в жизни, и с тех пор прошло больше двадцати лет, но этот вариант пока что полностью отбрасывать не будем.

Объяснением номер два Эйхгорн назвал монастырь. В России кое-где еще остались по-настоящему крупные монастыри, издали похожие на дворец царя Салтана. С другой стороны, о настолько огромных Эйхгорн не слышал. Да и архитектура опять же какая-то... не православная. Купола имеются, только совсем другой формы, ничуть не похожие на привычные золотые луковицы. И ни одного креста.

Объяснение третье – этнографический музей под открытым небом. Такой, где воссоздают кусочек старины. Тогда, размах, конечно, грандиозный. Эйхгорн бывал в подобных музеях – в Чувашии, в Египте, в Норвегии, – но те не тянули на большее, чем крохотное сельцо. А эта штука размером с настоящий средневековый город.

Видимо, Эйхгорн стоял на возвышенности, потому что вид открывался изумительный. Насколько хватало глаз, город окружали поля. На одних колосилась пшеница, другие были отданы под пастбища. Примерно на полпути к крепостным стенам виднелась еще одна группа строений – небольших, приземистых. Наверное, деревенька или крупный хутор.

Монастырь ли это или музей – места однозначно далекие от цивилизации. Дороги только грунтовые, хотя покрытие неплохое. Линии электропередачи отсутствуют. Техники тоже не видно – ни легкового транспорта, ни грузового, ни тракторов.

Жаль, бинокля нет. Эйхгорн взял в экспедицию прекрасный полевой бинокль с двадцатикратным увеличением, но тот остался где-то в лесу близ села Малые Дудки.

А Эйхгорн сейчас совершенно точно в каком-то другом месте.

Нет, это не галлюцинации. И на этнографический музей все-таки мало похоже. Уже совсем рассвело, и Эйхгорн решил спуститься, взглянуть поближе.

Вон, на ближайшем поле заметно движение – коровы или другой крупный рогатый скот. Пастух гонит стадо. Он должен как минимум знать название этого населенного пункта. А если он не говорит по-русски, Эйхгорн по крайней мере поймет, что вокруг не Россия... и вообще не СНГ.

Конечно, всегда остается шанс наткнуться на не знающего языка иностранца. Или вообще немного. Но вероятность подобного незначительна, так что ее можно не учитывать.

Приближаясь к пастуху, Эйхгорн постепенно замедлял шаг. Уж больно чудно тот был одет. Явно не по современной моде. Что-то вроде короткой рубахи или удлиненной туники – белого цвета, с вышитыми зеленью узорами, похожими на оленье рога.

Босой – это Эйхгорн заметил, подойдя еще ближе. На голове... похоже, венок. Листья вперемешку с цветами. Ростом повыше Эйхгорна, но лицом еще совсем пацан – лет шестнадцать-семнадцать. И взгляд какой-то... отстраненный.

Стремный тип. Как ни посмотри – стремный. Может, местный дурачок?

При виде Эйхгорна пастушок насторожился. А за поясом у него висел немаленькой длины кнут. Или бич – Эйхгорн понятия не имел, как это орудие труда правильно называется.

– Кто будешь, добрый человек? – окликнул пастух.

Эйхгорн открыл уже рот, но запнулся и ничего не ответил. Его мозг уловил нечто аномальное. Пастух точно, совершенно точно говорил не по-русски. И не по-английски. И ни на каком другом из известных Эйхгорну языков.

Но он загадочным образом понял каждое слово.

– Добрый человек, откуда будешь? – уже с явным подозрением спросил пастух. – Что-то одежда на тебе чудная. Неместный, что ли?

Эйхгорн невольно опустил взгляд. Там были самые обычные куртка и брюки. Очень легкие, из мембранной ткани. Под ними термобелье – Эйхгорн всегда его носил на природе. На ногах трекинговые ботинки. На лысом черепе – панама с ремешком.

Ничего экстраординарного, но рядом с этим ряженым его одежда действительно смотрелась странно.

А потом все стало еще страннее. На дороге показались две конные фигуры. Двигались они медленной трусцой, но при виде Эйхгорна сразу встрепенулись и прибавили ходу.

– Это кто такие? – спросил Эйхгорн пастуха.

– Вестимо кто, – ответил тот. – Королевские егеря. А ты, добрый человек, в самом ли деле добрый, или я, может, ошибаюсь?

Эйхгорн задумался. Вопрос был по-настоящему сложен, и так вот сходу ответить не получалось. В любом случае сейчас мозг Эйхгорна был полностью поглощен приближающимися всадниками.

Как-то неприветливо они выглядели.

Одеты эти ребята были еще необычнее пастуха. Лошади Эйхгорна не смутили – ему и самому доводилось ездить верхом. В условиях бездорожья конь и сейчас бывает предпочтительнее автотранспорта. Но вот одежда их седоков...

На них были ярко-зеленые камзолы, похожие на гусарские. Такие же и штаны. Сапоги черные, длинные, с высокими голенищами и круглыми носками. На груди что-то вроде белых галстуков, а манжеты кружевные, тоже белые. На головах зеленые картузы с красной тульей и двумя шнурками. К поясам приторочены не то длинные ножи, не то короткие шпаги.

А главное – у обоих в руках были копья. Поначалу они держали их вертикально, словно знамена, но понемногу опускали, явно устремляя острия к Эйхгорну.

Тот не делал попыток удрать. Он сразу прикинул примерную скорость верховых, сопоставил ее с максимальной, которую мог развить сам, оценил расстояние до леса и сделал вывод, что убежать не получится. А значит, и незачем зря тратить силы.

Вместо этого Эйхгорн размеренно говорил в диктофон:

– На ум приходят два возможных объяснения – реалистическое и фантастическое. Реалистическое – передо мной историческая реконструкция или средневековый фестиваль. Фантастическое – пройдя через кротовину, я переместился не в пространстве, а во времени. Полагаю, через минуту-другую я выясню, какая из гипотез справедлива.

Всадники, которых пастух назвал «королевскими егерями», тем временем подъехали к Эйхгорну и безо всяких разговоров принялись тыкать его тупыми концами копий. Не всерьез, не с целью ранить, а так, как ребенок тыкает палочкой дохлую гусеницу. Видимо, им было любопытно, что это за нелепое существо.

В окружении всех этих ряженых нормально одетый человек и в самом деле смотрелся чертовски странно.

А Эйхгорн просто стоял со своим диктофоном, и взгляд у него был снулый. Казалось, что ему безразлично происходящее. Однако на деле он внимательно изучал ситуацию, подмечая каждую мелочь.

Например, часы. Его внимание сразу привлекли часы на запястье егеря постарше. Вроде бы явный признак современного мира – в Средневековье подобных точно не носили. Но с другой стороны – это были вовсе не механические и тем более не электронные часы, а... солнечные. Крохотные солнечные часы – с циферблатом, маленьким отвесом и шнурком-гномоном. Эйхгорн слышал о таких – если держать их в правильном положении, время определяется с точностью до четверти часа.

– Не подскажете, сколько времени? – вежливо поинтересовался Эйхгорн. Ему захотелось взглянуть, как этим устройством пользуются.

– Третья четверть первого рассветного, – ответил егерь, на мгновение поставив руку горизонтально.

Эйхгорну это ничего не сказало. А еще ему надоели легкие, но все же чувствительные тычки копьями. С тупого конца они не опаснее швабр, но все равно как-то неприятно.

Но когда он осторожно отступил на шаг, копья сразу взметнулись к лицу. И на сей раз то были острые концы – на совесть заточенные! Егеря перевернули свое оружие с какой-то даже неправдоподобной скоростью.

Глядели они при этом без злобы, но с подозрением, сильно напоминая гаишников на трассе.

– Галко, это знакомец твой, что ли? – спросил егерь у пастуха.

– Не, – мотнул головой тот. – Не знаю его.

– А откуда взялся тут?

– Да вроде из леса вышел. Но я не видал.

– Не видал?..

– Не видал. Только если не из леса – так откуда же? Тут рядом-то только лес, а дорога-то – она вон, дорога, в другой стороне совсем.

– Ага. Из леса, значит.

– Товарищи, господа, офицеры, не знаю как к вам правильно обращаться... я, если что, сам могу за себя ответить, – подал голос Эйхгорн. – Спросите у меня самого, кто я такой.

– Ага, – медленно кивнул егерь. – Точно, можно ж так. Ты кто такой?

Эйхгорн вздохнул. Идиоты. Куда ни плюнь, везде идиоты. Человеческая глупость всегда его огорчала, но он ничего не мог с ней поделать.

- Где я нахожусь? - устало спросил он.

- А ты находишься на коровьем пастбище, - участливо ответил егерь. - Сам-то не видишь, что ли? Так вроде и очки носишь - не слепой, значит.

- Уточняю свой вопрос. Как называется этот город?

- Альбруин еще вчера назывался, - ответил егерь, переглянувшись с напарником. - Запутал, что ли? Ну это случается. Откуда сам будешь? Куда идешь?

- Альбруин... - пробормотал Эйхгорн. Название было для него пустым звуком. - А... страна как называется?

- Так Парибул, - без малейшего удивления сказал егерь. - В самом деле запутал, что ли? Куда идешь-то, говорю!

- А число сегодня какое? - продолжал выпытывать Эйхгорн. - День, месяц?

- Бархатный Ястреб, - недобро ответил егерь.

- Бархатный... Ястреб?.. - недоуменно переспросил Эйхгорн. - А-а... а год какой?

- Год?.. Ты не знаешь, какой сейчас год?.. Кто вы вообще такой, сударь? - уже совсем холодно спросил егерь, почему-то переходя на «вы». - Потрудитесь-ка объяснить, да поживее.

- Никто, - на автомате сказал Эйхгорн, переваривая информацию. - Я никто. Обычный человек.

Вот теперь егерей проняло! Услышав этот безобидный ответ, они отпрянули, как ужаленные. Пастушок тоже отшатнулся, едва не упав.

– Обычный человек?! – вскрикнул егерь помоложе.

– Сам признался! – гаркнул второй. – Вяжи его!

Эйхгорн не успел опомниться, как его плечи захлестнуло арканом. Егерь с силой дернул, и Эйхгорн упал.

Глотая пыль, он тщетно пытался понять, что не так сказал...

Глава 4

Оказалось, что это очень неприятно – когда тебя ведут на аркане, подталкивая в спину копьями. Вдобавок у Эйхгорна отняли рюкзак – и хорошо еще, что не стали обыскивать. Просто скрутили и погнали к городской стене.

Сопротивляться Эйхгорн даже не пытался. Один, безоружный, против двоих явных профессионалов с ножами и копьями? Вероятность победить стремится к нулю.

Да и драться-то Эйхгорн практически не умел. Он рассуждал следующим образом – чтобы действительно уметь постоять за себя, нужна прежде всего практика. Значит, нужно регулярно тренироваться, заниматься в каких-нибудь секциях. Это требует времени, и немало. При этом от ножа или пистолета не спасет все равно. Да и при численном превосходстве противника шансов будет немного.

Ну и стоит ли оно того?

Ладно бы еще Эйхгорн жил в каком-нибудь криминогенном районе, где велик риск встрять в ситуацию, но ведь нет же. За всю жизнь на него нападали только два раза. В первый раз еще в институте – какой-то шизоид просто молча подбежал, ударил в лицо, вырвал сумку и умчался. Во второй раз лет десять назад – три пьяных долдона попытались отжать коммуникатор. У них не вышло – на карте памяти было несколько очень важных файлов, так что Эйхгорн отбивался с каким-то звериным, внезапным для себя самого упорством. В итоге

ему удалось таки отстоять свое имущество, но ценой двух сломанных ребер.

Два инцидента за сорок лет – вполне допустимо.

Вообще, Эйхгорн всегда был несколько фаталистом. Он считал, что подготовиться ко всему невозможно, от всех бед уберечься не выйдет. А рано или поздно так или иначе умрешь, и этого никоим образом не изменить.

Следовательно, незачем тратить силы, пытаюсь объять необъятное.

Вместо этого Эйхгорн размышлял над тем, в какую эпоху его занесло. Он все сильнее уверялся, что провалился во временную дыру. Прежде Эйхгорн отметал даже теоретическую возможность путешествий во времени, ибо они противоречат элементарной логике. Но в данной ситуации сложно найти другое подходящее объяснение.

Скорее всего, средневековая Европа. Лица уж точно европейские – Азию, Африку и Америку можно смело отсечь. Россию тоже – старославянский язык Эйхгорн уж как-нибудь распознал бы.

Правда, названия «Парибул» и «Альбруин» ничего Эйхгорну не говорили. Но он никогда особенно не интересовался средневековой географией. Возможно, это одно из крохотных германских княжеств или еще какая-нибудь Гасконь. Мало ли их было в те времена?

Очень хотелось прояснить и вопрос с языком. Эйхгорн терпеть не мог непонятных явлений. У него всегда свербело внутри, пока он не находил объяснения или хотя бы удовлетворительной гипотезы. И сейчас он усиленно ломал голову, пытаюсь понять, отчего вдруг свободно говорит на явно незнакомом наречии.

Что это – какой-то побочный эффект прохода через кротовину? Непроизвольное подключение к ноосфере, «скачивание» мозгом пакета данных? Что ж, за неимением других, сойдет как рабочая гипотеза, но хотелось бы все же большего...

Пока Эйхгорна вели через предместья, на него глазел и стар, и млад. Местные тетки отрывались от своих огородов, дядьки опирались на мотыги, детвора забывала об обручах и скакалках. Все таращились на арестованного. Видимо, что-то интересное происходило здесь нечасто, так что Эйхгорн стал главным событием дня.

Он же, в свою очередь, шарил снулым взглядом по окружению, выискивая приметы эпохи. Было у Эйхгорна такое маленькое увлечение – читая книгу или смотря фильм, расшифровывать время и место действия. Место, впрочем, обычно указывалось прямым текстом, а вот время порой приходилось определять именно по косвенным признакам.

Так, в крайней прочтенной им книжке (американский детектив) герой еще в первой главе включил телевизор, и сразу стало ясно, что действие происходит не раньше пятидесятых. До этого времени телевидение даже в Штатах было редкой диковиной. Потом персонажи в диалоге упомянули Советский Союз в настоящем времени – значит, девяностые еще не наступили. Вот в разговоре мелькнул Элвис Пресли – уже знаменитый, но еще здравствующий. А вот герой подумал о Вьетнамской войне – как о закончившейся. Значит, события происходят не ранее 1973, но не позднее 1977.

Несколько таких признаков Эйхгорн уже выловил и здесь. Например, у егерей отсутствует огнестрельное оружие. Конечно, это еще ни о чем не говорит – может, им просто по форме не полагается. Тем не менее, факт в копилку.

Далее, их камзолы застегнуты на пуговицы. По всей видимости, медные. В Европе пуговицы появились только в тринадцатом веке, причем долгое время считались предметом роскоши. Возможно, эти егеря принадлежат к элитным воинским частям и являются дворянами?

А еще им известно, что такое очки. Точное время их изобретения неизвестно, но по всей видимости – в конце тринадцатого века. Значит, Эйхгорн в позднем Средневековье – четырнадцатый или пятнадцатый век. Архитектурный стиль и мода вроде бы соответствуют, хотя в этом Эйхгорн разбирался не в пример хуже, чем в истории науки и техники.

Еще на руке старшего егеря портативные солнечные часы. Но это признак очень уклончивый – подобный инструмент встречался много где и когда. Правда, на

руке его вроде бы не носили, но Эйхгорн не был полностью уверен.

Так что на этом пока все. Чтобы сузить диапазон еще сильнее, требуются дополнительные данные.

Городок при близком рассмотрении оказался не таким уж сказочным. Крепостную стену явно не ремонтировали уже много лет – была она потерта, щербата и довольно грязна. Эйхгорн не мог оценить ее высоту точно, но на глазок там было от восьми до девяти метров. Через каждые метров шестьдесят стояли круглые башни, а через каждые шестьсот – ворота. У основания стены были потолще, у верхнего края – потоньше. По дозорному пути со скучным видом прохаживались два стражника.

Через ворота Эйхгорна провели почти без задержки. Старший егерь перебросился парой слов с пожилым привратником, получил ленивый кивок и поволок пленника теперь уже по городской улочке. Была она крайне узка и извилиста, трехэтажные дома нависали с обеих сторон, практически закрывая небо.

Зевак здесь уже почти не было, на Эйхгорна никто особо не глазел. Только какие-то кумушки на соседних балконах при виде него зашептались, а потом залились дурацким смехом. И то пялились они скорее не на Эйхгорна, а на молодого егеря – тот при их виде сразу приосанился и выпятил грудь, точно глухарь на току.

Идя по городу, Эйхгорн окончательно убедился, что это не фестиваль, не музей, не киносъемка, а самая что ни на есть реальность. Вокруг не было ничего постановочного. Здания, костюмы, булыжники в мостовой – все настоящее. Люди не играют роли, а живут.

Куда же забросила его эта червоточина?

Тем временем Эйхгорна уже доставили к месту назначения. Оно оказалось во дворце, только не с главного входа, а сбоку, в небольшом флигеле. Сам дворец отсюда почти не просматривался. Эйхгорна ввели в неприметную дверь, над которой висело что-то вроде герба – большой круглый щит и два скрещенных меча.

Внутри был обычный полицейский участок, только в средневековом антураже. Местные стражи порядка, числом четверо, носили медные доспехи, отдаленно похожие на древнеримские, вооружены были короткими шпагами, и все, кроме одного прыщавого парнишки, щеголяли длиннющими усищами.

- А эдил-то не явился еще? - спросил старший егерь, поручкавшись с седым стражником.

- Да дрыхнет, обычное дело... - махнул рукой тот.

- Опять до ночи в трактире сидел?

- А то как же... Теперь до обеда не явится. А это что у тебя за птица?

- Обычный человек! - гордо возвестил егерь. - Сам признался!

Стражники сразу подобрались, глядя на Эйхгорна с удвоенным интересом. Тот в ответ смотрел взглядом снулой рыбы. Эйхгорн понимал, что не знает чего-то, для других очевидного, поэтому решил помалкивать, пока не разберется в ситуации.

Впрочем, его никто ни о чем и не спрашивал. Егеря распрощались, сняв с Эйхгорна свой аркан, а двое стражников бегло его обыскали. Зажигалка и диктофон не вызвали у них интереса, а остальные вещи лежали во внутренних карманах - туда стражники почему-то не заглянули. Также они внимательно осмотрели пояс, явно ища оружие, но из оноу у Эйхгорна был только нож в рюкзаке.

Потом его взяли под локотки и повлекли вниз по лестнице. Там располагалось очень аутентичное подземелье на девять камер - Эйхгорн машинально их сосчитал. Пять пустовали, в шестой, с распахнутой дверью, пьяно храпел толстый стражник без доспехов, в седьмой жевал соломинку приличного вида господин, в восьмой пригорюнилась размалеванная девица очевидной профессии, а в девятой сидел парень в заплатанной одежде, с синяком под глазом.

Эйхгорна втокнули в угловую. Камеры располагались группами по три, от прохода и друг от друга отделялись не стенами, а решетками, так что узники были как на ладони. Из обстановки – только кучи прелой соломы, да мятые медные горшки. Судя по характерному запаху – местный вариант параши.

– Тут пока побудешь, – махнул рукой стражник. – Эдил придет, разберется.

Гремя ключами, он замкнул дверь. Тем временем его напарник не без труда растолкал толстяка, спящего в камере напротив. Тот спросонья гундел и махал кулаками, но в конце концов соизволил подняться и вывалиться наружу. Двое других стражников тоже вышли, и в подземелье стало тихо.

– Чьи дела, браток? – тут же прошипели из соседней камеры.

Эйхгорн вяло повернул голову. На него пристально таращился парень с фингалом.

– Чьи дела, спрашиваю! – чуть повысил голос он.

– Какие еще дела? – переспросил Эйхгорн.

– А-а, я-то уж решил... – сразу потерял интерес узник.

Ну вот опять. Одна фраза – и Эйхгорн сразу выдал в себе чужестранца, ничегошеньки не знающего о местной культуре. И он, хоть убей, не мог понять, что же он такого сказал.

– Так если ты Пролазе не киваешь, за что тебя сцапали? – все же спросил сосед.

Эйхгорн задумчиво поглядел на него. Он вновь ни черта не понял. Но источников информации здесь было немного, так что он решил попробовать выжать что-нибудь из этого.

– Тебя самого-то за что взяли? – спросил он.

– Э, слышь, халат, я первый спросил!

- Ты мне не хами, - хмуро сказал Эйхгорн. - Я тебе в отцы гожусь.

- Не-а, не годишься, - противно хихикнул парень. - Мне такой отец на кир не сдался.

Эйхгорн посмотрел на него снулым взглядом. Еще один идиот. Почему-то Эйхгорна везде окружают идиоты. Иногда просто опускаются руки.

- Не хочешь говорить - не говори, - пожал плечами он.

- Да не, чего уж, - снова хихикнул парень. - Я индивид честный, тайн не имею. За браконьерство меня сцапали.

- За браконьерство?.. - удивился Эйхгорн.

- Ага. Оленя на корольковском дворе в монахи постриг. Теперь в барабан бить будут, дело известное. Мне уж не впервой, вся спина в полосочку. Теперь ты мойся, за что тут.

- Не знаю, - неохотно сказал Эйхгорн.

- Э, халат, договорились же!

- Я в самом деле не знаю. Просто так взяли и арестовали.

- Не, халат, гутанишь. Совсем просто так даже корольковская стража не пыхтит. Что-то да есть.

- Нет ничего, - раздраженно ответил Эйхгорн. - Они меня спрашивают - ты кто, я отвечаю - никто, обычный человек...

- Э-э-эй!.. - выпучил глаза сосед. - Ты чо, халат?! Ты вправду обычный человек?! Не гутанишь?!

- Так. Чего я не понимаю? - сдался Эйхгорн. - Что такое «обычный человек»? Что я не так сказал?

Парень с фингалом еще пару минут хекал и фыркал, явно считая, что Эйхгорн придуривается. Но когда наконец поверил, то расплылся в улыбке и снисходительно сказал:

- Ну ты и дурачина, халат... Музыку не знаешь, что ли?

- Музыку?..

- Музыку, музыку. По-воробьиному чирикаешь?

- Феня, что ли? - дошло до Эйхгорна.

- Чего?..

- Не ботаю я по фене... в смысле, музыки не знаю.

- Ну так и что? Кто такие «обычные люди», все знают, это и без музыки ясно.

- А я вот не знаю. Кто это?

- Вестимо кто. Борота.

- А это что такое?

- И этого не знаешь?.. - недоверчиво протянул узник. - Борота, халат, это такие людишки, что всякими злыднями на жизнь промышляют. С купцов дань собирают незаконную, непотребных девок разводят, картежные дома содержат, травкой дурманной торгуют...

- Мафия, что ли?

- Такого слова не слышал. Борота. Все, кто в ней состоит, деньгу всякими злыднями промышляют и самому главному в бороте подчиняются - его у нас Дедулей кличут. Так что ты, халат, усвой наперед - «обычным человеком» называться не моги. Вишь, как стража на дыбки-то сразу поднялась. Наш королек у себя людей Дедули видеть не может.

Найдя в Эйхгорне благодарного слушателя, парень – назвался он Вигальхом – охотно выложил все, что когда-либо слышал о бороте. Как оказалось, в королевстве Парибул ее отродясь не водилось, но слухов ходило много, и боялись эту бороту нешуточно.

Порядок у этих местных мафиози оказался строгий, почти военный. Нижнее звено называлось внучка?ми и вну?чками – рядовые исполнители, шестерки. Над ними стояли сынки и дочки – бандиты посерьезнее, десятники. Еще выше были папаши и мамыши – уже реальные авторитеты. Ну а всю семью возглавлял Дедуля или Бабуля – большой босс, пахан. Борота делилась на множество кланов, каждый из которых имел своего Дедулю.

Рассказывали также о некоем Короле Ночи, таинственном пахане паханов, который вроде бы правил всей Обычной Семейей в мире. Но это, скорее всего, были просто байки – ничего конкретного об этом типе никто не знал.

Поняв, за кого его принимают, Эйхгорн несколько помрачнел. Вокруг Средневековье, расследование никто проводить не станет. Просто устроят допрос с пристрастием, сунут пальцы в тиски – и через несколько минут Эйхгорн признается, что состоит в Братстве Сатурна, живет в Новой Швабии и лично ответственен за убийство Листьева, развал СССР и вымирание динозавров.

Хотя, может, не сунут? В Средневековье тоже порядки в разных странах были очень разные – где-то пожестче, где-то помягче. Эйхгорн стал выпытывать у соседа по заключению, какая система принята в королевстве Парибул – и тот охотно поделился.

Оказалось, что темница здесь в качестве меры наказания не используется. Только как «аквариум». Об этом Эйхгорн, впрочем, уже и сам догадался – для долговременного заключения эти закутки подходили плохо, да и узников было всего ничего.

Вообще же наказания бывают разные. За мелкие преступления обычно дают палок («бьют в барабан») или привязывают на денек-другой к позорному столбу. За воровство отрезают ухо. Поджигателям выкалывают один глаз. Насильников кастрируют. Убийц клеймят и ссылают на вечную каторгу. Причем куда-то за границу – своей каторги в Парибуле нет, королевство очень маленькое.

Ну а казнят только за совсем уж из ряда вон выходящее. Измену родине, покушение на короля... на памяти того же Вигальха подобного еще не случилось ни разу.

Что делают с членами бороты – реальными или надуманными, – Эйхгорну выяснить не удалось. Не водилось подобных в Парибуле. Наверное, и прецедентов пока не было.

Издали донесся приглушенный звон колокола, и сразу после в замке загремели ключи. Сопя и ругаясь, ввалился тот самый толстый стражник, что раньше спал в одной из камер. Глядя осоловелым взглядом, он принялся совать меж решеток глиняные миски и кувшины.

Похоже, наступило время обеда.

В кувшине оказалась самая обыкновенная вода. В миске – две вареные картофелины, холодный кусок жареного мяса и сухая лепешка. Вполне приличная кормежка для тюрьмы. В юности Эйхгорну довелось провести по недоразумению ночь в питерском «обезьяннике» – там кормили заметно хуже.

Есть Эйхгорну хотелось уже порядком, поэтому он смолотил половину тюремной пайки, прежде чем сообразил, что именно ест. Картошка. Несомненная картошка. Значит, он сейчас где угодно, но только не в средневековой Европе. До открытия Америки картошку в Европе в глаза не видали.

Хотя... Эйхгорн повернулся к Вигальху и спросил:

– А какой сейчас год?

– Паршивый сейчас год, – вздохнул тот, жуя лепешку. – Простому индивиду и не вздохнуть. Королек совсем зажал. Оленя в лесу не бей, коосулю не бей, мельника пузатого тоже не бей – он, сволота, сразу егерей кличет...

– Я про номер спрашиваю, – раздраженно переспросил Эйхгорн. – Число сегодня какое, число?

– Да я не помню, – пожал плечами Вигальх. – Ястреб... то ли Бархатный, то ли Медный уже...

– А год? Год какой? – терпеливо добивался Эйхгорн.

– Да мне почем знать? Это пусть монахи считают – им больше заняться нечем.

– Сейчас тысяча пятьсот четырнадцатый год, – донеслось из клетки напротив.

То подал голос господин приличного вида. Все это время он помалкивал, но, похоже, прислушивался к разговору.

Эйхгорн задумался. Тысяча пятьсот четырнадцатый – это уже после открытия Америки. Правда, картофель в Европу впервые привезли только в середине шестнадцатого века, а в пищу употреблять начали и еще позже... чертовски все это странно.

– Уважаемый, вы сказали, что сейчас тысяча пятьсот четырнадцатый, – обратился Эйхгорн к приличному господину. – А это по какому летоисчислению?

– По астучианскому. Тысяча пятьсот четырнадцатый Новой эпохи.

Эйхгорн задумался еще сильнее. Ему уже хотелось во что бы то ни стало определиться с временем и местом, поэтому он стал спрашивать прямо. Одно за другим он называл страны, исторические события, великих личностей – но оба его соседа по заключению только пожимали плечами.

Браконьер и приличный господин ничего не знали ни про Россию, ни про Францию, ни про Англию, ни про Испанию, ни про Римскую империю. Им ничего не говорили имена Цезаря, Александра Македонского, Аттилы, Карла Великого, Рюрика, Чингисхана, Магомета.

Окончательно Эйхгорн убедился, когда спросил о Христе. В Европе – что средневековой, что современной – об этом мифологическом персонаже все как минимум слышали. Для присутствующих его имя оказалось пустым звуком.

Значит, это точно не Европа.

А что же тогда?

Объяснение первое – Эйхгорна занесло в невероятно глубокое прошлое. Некие допотопные времена – до христиан, до римлян, до вообще описанной истории. Какие-нибудь древние этруски. Пикты. Хайборийская эра. Аквилония короля Конана. В юности Эйхгорн пережил краткое увлечение романами Говарда, а на память он никогда не жаловался.

Объяснение второе – это другая часть планеты Земля, не имеющая связей с Европой. Но какая? Восточная Азия, Африка, Америка и Австралия исключаются – достаточно взглянуть на лица окружающих. Кавказ и Ближний Восток тоже маловероятны – да и с Европой они совсем рядом, хоть что-то знать о ней должны. Лапландия или еще какой-нибудь глухой север? Нет, климат явно не тот... разве что лето выдалось на редкость теплым.

Да и опять же картошка...

Объяснение третье – Эйхгорн на другой планете. Червоточина забросила его гораздо дальше, чем он предполагал. Это объясняет все... и ставит кучу новых вопросов. Почему на другой планете живут точно такие же люди, как и на Земле? Почему здесь растут очень схожие формы растительности, включая злосчастную картошку? И почему Эйхгорн свободно говорит на местном языке?

– Что это за мясо, не знаешь? – спросил он у браконьера, почти доевшего свою пайку.

– Говядина. Сам не чуешь, халат?

Говядина. Эйхгорн так и подумал, но хотел убедиться наверняка. Значит, животные здесь тоже водятся земные – как минимум коровы. Может ли быть такое, чтобы экосистемы разных планет имели столько совпадений?

Теоретически возможно, но крайне маловероятно.

Эйхгорн продолжил выпытывать информацию у приличного господина, но тому все это уже прискучило. Он отвечал вяло, жевал соломинку и глядел в потолок. Браконьер же в качестве источника сведений никуда не годился, ибо набором

знаний обладал узким и специфическим.

К тому же оба они теперь все настойчивее задавали вопросы уже Эйхгорну. Кто таков, откуда взялся, почему так странно одет. Расскажи да расскажи.

Эйхгорн же сам толком еще не разобрался, как сюда попал, да и неохота ему было откровенничать со случайными людьми. Поэтому он перевел разговор на приличного господина – мол, странно видеть кого-то подобного на куче грязной соломы. Тот сразу же согласился, что ему здесь не место.

Оказалось, что этот господин – его звали Ольгре Шамтуан – лицо благородной крови, шевалье. Точнее, свой титул он назвал как-то иначе, но Эйхгорну услышалось именно «шевалье». Родился и живет в соседней стране, Кинелии, а в Парибул прибыл на встречу с дамой своего сердца. Однако отношения между Парибулом и Кинелией сейчас скверные, граница на замке, а Шамтуан, так уж вышло, забыл получить официальное разрешение на въезд.

Ну его и арестовали за шпионаж.

– Конечно, они во всем разберутся и меня отпустят, – вяло сказал он. – Мой дядя – свояк парибульского коннетабля. Как только придет эдил...

– Ишь, ваша светлость... – насмешливо раскланялся Вигальх. – Ничего, что я сижу?..

– Просто мессир, – равнодушно ответил Шамтуан. – Это мой дядя – светлость, он маркиз.

– Богатый, небось. По какому адресу изволит проживать дяденька?

Шамтуан ничего не ответил, смерив Вигальха недобрым взглядом. Его рука невольно опустилась к поясу, где раньше явно висело какое-то оружие.

– Ну а с этой трясогузкой и так все ясно, – кивнул Вигальх на грустную девушку в дальнем конце темницы. – Работает у тетушки Сромм, хе-хе, их все время сюда таскают...

– Я массажисткой работаю, флейтист! – вскинулась девушка. – В салоне тетушки Сромм делают фельский массаж! И все!

Вигальх снова хихикнул и без обиняков сообщил, какое место у него не мешало бы помассировать. Девушка в ответ плюнула в него, но не попала.

В замке опять загремели ключи. На сей раз явились двое стражников – пожилой и молодой. Они почтительно вывели из клетки приличного господина, и пожилой сказал:

– Мессир Шамтуан, ваше благородие, эдил готов вас принять. Прошу сюда. Голову пригните, тут косяки низкие.

Обратно приличный господин уже не вернулся – то ли отпустили, то ли отправили еще куда-то. Стражники же вернулись примерно через полчаса и вывели из клетки теперь уже размалеванную девицу. С ней обращались менее почтительно, хотя без грубости. Молодой виновато бубнил:

– Линнеска, ну пойми, ну я же не мог тебя своей волей-то выпустить, ну пойми, я же не могу, мне же влетит, пойми, мало ли что там, ну эдил же орать начнет, ты же сама, ну пойми, Линнеска...

Эта обратно тоже не вернулась. Стражники же явились и в третий раз, вытащили из клетки Вигальха – уже без малейшей почтительности – и поволокли под локотки. Пожилой сердито сказал ему:

– Все, родной, хватит казенную солому пролеживать. Получишь пятнадцать палок, и больше чтоб я тебя тут не видел.

– Хе-хе, – только и ответил браконьер. – Бывай, халат!

Теперь Эйхгорн остался один. И на сей раз стражники не спешили возвращаться. Прошло уже больше часа, а за дверью было тихо.

Развлечься было абсолютно нечем. Смартфон Эйхгорн не трогал – заряд аккумулятора снизился уже до сорока процентов, а к розетке доступа в ближайшее время не предвидится. В рюкзаке лежит внешний аккумулятор, но

рюкзак отобрали. Так что лучше поберечь прибору энергию – может пригодиться для чего-нибудь поважнее, чем утолнение скуки.

Но информационный голод мучил уже не на шутку. Мозг настойчиво требовал работы – а работы для него здесь не было.

Значит, опять придется заниматься бессмысленными вычислениями.

Глава 5

Сначала Эйхгорн измерил площадь своей камеры – пятьсот шестнадцать квадратных сантиметров. Вместо линейки он пользовался собственными ступнями, пальцами и фалангами – все размеры своего тела Эйхгорн знал наизусть. Видно было, правда, плохо – темница освещалась только двумя чадающими факелами, – но Эйхгорн справился.

Потом он взялся измерять объем, но с ним оказалось потруднее. Рост Эйхгорна – сто семьдесят пять сантиметров. С поднятыми вверх руками – двести тридцать. Однако до потолка оставалось еще сантиметров семьдесят, и измерить этот остаток точно не удавалось. Эйхгорн просто не мог туда вскарабкаться – прутья слишком гладкие и скользкие. И у него не было никакой палки или иного достаточно длинного предмета.

В конце концов Эйхгорн прибег к окольным методам. Стена была кирпичной – он измерил один кирпич, сосчитал их количество, и таким образом узнал высоту камеры – триста два сантиметра. Но все равно остался недоволен – растворные швы имели разную толщину, так что результат получался приблизительный.

Эйхгорн не любил приблизительные результаты. Понятно, что далеко не всегда возможно получить точный результат, но все эти «плюс-минус сто километров» его раздражали. По этой самой причине он терпеть не мог иррациональные числа.

Если верить легенде, Пифагор приказал утопить ученика, который доказал, что корень из двух невозможно выразить рациональным числом. Эйхгорн до таких

крайностей не доходил, но иррациональные числа ему тоже не нравились.

Особенно он не любил число пи. Он всегда считал его ужасно неаккуратным. Ему казалось, что было бы гораздо лучше, если бы оно равнялось трем. Или хотя бы просто было рациональным. Это упростило бы массу разных вещей.

Но математика – не знающая жалости тварь...

Впервые Эйхгорн столкнулся с числом пи еще в семь лет, когда захотел выяснить отношение длины окружности к ее диаметру. Он начертил циркулем круг, измерил ниткой длину окружности, измерил линейкой диаметр – и разделил одно на другое. Так он самостоятельно получил число пи – оно было равно 3,128125.

В том возрасте Эйхгорн еще не знал о такой штуке, как погрешность измерения.

Когда наконец стражники пришли и за ним, Эйхгорн пересчитывал кирпичи. Он так увлекся этим, что не среагировал на открывшуюся дверь. Стражник взял его за плечо, но Эйхгорн только раздраженно поморщился.

– Секунду!.. – попросил он. – Секунду!.. сто сорок шесть, сто сорок семь... сто сорок восемь!

– Чего сто сорок восемь? – не понял стражник.

– Кирпичей.

– Ты что, считал кирпичи?.. – озадаченно моргнул стражник. – Ты что, сумасшедший?..

– Нет, просто арифмоман, – неохотно признался Эйхгорн.

– Арифмомант?.. – недослышал стражник. – Это что, вроде некроманта?.. Магия такая?

– Ага, магия чисел, – саркастично хмыкнул Эйхгорн.

– Так вы волшебник, мэтр?.. – удивился другой стражник. – А зачем же обычным человеком назвались?..

Эйхгорн задумчиво посмотрел на этих двоих. Выражения их лиц заметно изменились. И на «вы» перешли как-то очень резко. Похоже, народ здесь суеверный.

Может, и в самом деле выдать себя за волшебника?

– Ладно, волшебник или не волшебник, а порядок для всех один, – дернул Эйхгорна из камеры первый стражник. – Эдил разберется.

Эйхгорн тоже решил, что общаться лучше сразу с начальством, потому на время смолк. Его вывели из темницы и доставили на второй этаж, в небольшой, по-спартански обставленный кабинет. Голые кирпичные стены, замкнутый на тяжелый замок сундук, распахнутое настежь окно и стоящий возле него стол. Из предметов на нем были только чернильница с разлохмаченным пером, похожая на конторскую тетрадь и белый цветок в горшке. Его стебель странным образом изгибался почти под прямым углом.

А за столом восседал тот самый эдил. Примерно одних лет с Эйхгорном, невысокий, полноватый, одетый в зелено-алый кафтан с кружевными брыжами и пышными рукавами. Взгляд он имел сонный, левую щеку подпирал кулаком и выглядел, как человек, которому давно все в этой жизни осточертело.

– Это и есть ваш обычный человек? – безразлично осведомился эдил. – А что-то не похож...

Стражник подошел к нему сбоку и тихо зашептал. Эйхгорн наострил уши, но так ничего и не расслышал. На всякий случай он снял панаму.

Впрочем, о смысле сказанного догадаться было нетрудно. Эдил недоверчиво хмыкнул, осмотрел Эйхгорна уже с чуть большим интересом и спросил:

– Волшебник, говоришь?.. А доказать сможешь?

К этому вопросу Эйхгорн был готов. Пока его сюда вели, он незаметно спрятал в кулаке зажигалку, выкрутив редуктор на максимум. У Урфина Джюса же получилось таким образом выдать себя даже не за волшебника, а за целого Бога Огня.

И когда он чиркнул колесиком, эдил действительно удивленно хмыкнул. Для неискушенного человека поднимающееся из руки пламя смотрелось самой настоящей магией.

Правда, одним коротким хмыканьем дело и ограничилось. Эйхгорн даже почувствовал себя немного уязвленным. Он ожидал более бурной реакции.

– Ну надо же, волшебник, – покачал головой эдил. – А зачем обычным человеком тогда назвался?

Эйхгорн подготовился и к этому вопросу. Стараясь быть как можно убедительнее, он изложил все как есть. Мол, ничего плохого в виду не имел, слова употребил в их буквальном смысле. Типа там, откуда он родом, о борьбе знать не знают, и выражения такие не в ходу.

– Вот оно как... – все еще с сомнением кивнул эдил. – Ну случается, конечно... а с какой целью к нам, в Парибул?

– Надеялся поступить на королевскую службу, – бухнул Эйхгорн.

Эдил подпер руками голову и посмотрел на Эйхгорна уже слегка заинтересованно.

– На службу?... – протянул он. – Интересно, интересно... А почему именно к нам?

– Слышал много хорошего о вашем королевстве и его короле, – соврал Эйхгорн не моргнув глазом.

– Правда, что ли?... – вытаращился на него эдил.

Эйхгорн кивнул. Он здорово рисковал – а ну эдил спросит, что именно он слышал? – но терять было уже нечего.

Однако эдил не спросил. На Эйхгорна он глядел с изумлением, но уголки его губ невольно приподнялись. Похоже, королевство Парибул нечасто баловали похвалой.

По всей вероятности, и не за что. Из разговоров сокамерников Эйхгорн сделал вывод, что Парибул – жуткая дыра, абсолютно ничем не интересная и не знаменитая.

Но оно и к лучшему. Даже хорошо, что тут ничего не происходит – будет проще во всем спокойно разобраться. Неизвестно пока, что за человек здешний король, какую политику проводит, но вроде бы не деспот – а это уже неплохо.

Вообще, Эйхгорн всегда был абсолютно аполитичен. Он не поддерживал власть и не протестовал против нее. Очевидно же, что ни один разумный человек не станет заниматься политикой. Следовательно, все политики – идиоты.

А если все они идиоты – не имеет значения, какой конкретно идиот находится у власти.

Эдил тем временем принял решение. Очень внимательно глядя на Эйхгорна, он медленно кивнул и сказал:

– Ладно, мэтр, будь по-твоему. Устрою тебе завтра аудиенцию с их величеством.

– А сегодня нельзя?

– Сегодня их величество уже не принимают, – кивнул на часы эдил. – Аудиенции для просителей – с пятого рассветного по второй полуденный. А сейчас его величество уже в парной должно лежать – Бархатный день же. И давай-ка ты, мэтр, расскажи мне вначале, кто ты есть вообще. Для порядку. Как звать-то хотя бы? Имя там, фамилия...

– Исидор Яковлевич Эйхгорн, – представился Эйхгорн.

– Исидоряка... – зачиркал перышком эдил. – Ну и имечко... Дата рождения?

- Двадцать первое ноября тысяча девятьсот семьдесят третьего года.

- Ноября?.. Это что такое?

- Месяц. Я из очень далекой страны, у нас месяцы другие.

- И летоисчисление другое... - подметил эдил. - Тыща девятьсот... это по какой же хронологии?

- По Скалигеру и Петавиусу.

- Хм... ладно... И сколько же тебе лет по этому петавесу?

- Сорок два.

На этом месте Эйхгорн немного напрягся. Если это другая планета, годы могут быть другой продолжительности. Если они заметно длиннее или короче земных...

Но нет, эдил совершенно спокойно записал число в тетрадь. Значит, разница если и имеется, то не слишком значительна.

- Происхождение? - продолжил анкетирование эдил.

- Прошу перефразировать вопрос, - ответил Эйхгорн после краткого раздумья.

- Благородное, неблагородное?..

- Увы, быдло-с, - развел руками Эйхгорн.

- Хм... родители?..

- Отец - Яков Иосифович Эйхгорн, стоматолог, родился 11 сентября 1946 года.
Мать - Людмила Васильевна Эйхгорн, в девичестве Прохорова, театральная критик, родилась 6 марта 1949 года.

Эдил едва коснулся пером бумаги. Похоже, поставил прочерк.

– Родная страна и город?

– Советский Союз, Ленинград. Сейчас – Российская Федерация, Санкт-Петербург.

– Никогда не слышал, – равнодушно ответил эдил. – Не работаешь ли на какую-нибудь враждебную державу, не замышляешь ли каких преступлений, не планируешь ли нанести некий вред королевству Парибул и его славному королю Флексигласу?

– А что, кто-то признается? – саркастично спросил Эйхгорн.

– Никто не признается. Нет в этом мире честных людей.

– Все врут, – посочувствовал Эйхгорн.

Эдил печально вздохнул. Накарябав еще что-то у себя в тетради, он пробежался по тексту глазами, снова вздохнул и вяло махнул рукой.

– Отведите мэтра в номер для почетных, – велел эдил стражникам. – И ужин там подайте, что ли... получше что-нибудь найдите, а не то, чем мы обычно кормим.

Стражники снова взяли Эйхгорна под локотки, только теперь вежливо, как буйнопомешанного, но при этом горячо любимого дедушку. И отвели уже не вниз, в темницу, а на этаж выше, где обнаружилась отдельная камера – маленькая, но чистая.

И даже с окном. Располагалось то, правда, под самым потолком, так что смотреть в него можно было, лишь подтянувшись на прутьях.

Ужин тоже оказался лучше. По составу он не отличался от обеда, но картошку очистили от шелухи, мясо подогрели, а лепешку намазали чем-то вроде сырного соуса. Еще бы банку пива – и можно жить.

Но спиртного Эйхгорну не предложили. В кувшине была все та же вода – хотя свежая и прохладная. Запивая ей мясо с картошкой, Эйхгорн задумчиво оценил

вкус трапезы. Чем-то он отличался от привычной земной пищи. Неуловимые, чуть заметные, но все же отличия.

Нетрудно догадаться, чем именно – отсутствием пищевых добавок. Здесь еще не придумали глутамат натрия и другие вещества. Ароматизаторы, консерваторы, красители, усилители вкуса – ничто подобное еще не применяется.

Жаль. С ними вкуснее.

Эйхгорн съел свой ужин и улегся на солому – размышлять о дальнейших планах. Выдавая себя за волшебника, он действовал больше по наитию. Просто не было времени принять взвешенное решение. Конечно, стоило предварительно выяснить побольше об этой стране, о здешних порядках... вдруг оказалось бы, что волшебников тут жгут на кострах?

Но вроде бы таки нет. Пока что Эйхгорн от своего мошенничества только выиграл. Теперь хорошо бы убедить и короля, что он действительно волшебник...

Надо обдумать завтрашнюю презентацию. Одного фокуса с зажигалкой может и не хватить. Еще у Эйхгорна в карманах есть смартфон, диктофон, айпод... и сигареты. Интересно, впечатлит ли местных дым изо рта? Янки из Коннектикута, помнится, ужасно напугал этим артуровских бриттов...

Вернуть бы конфискованный рюкзак. Интересно, что они с ним сделали? Эйхгорн подозревал, что большую часть вещей уже никогда не увидит. Особенно жалко нож, аптечку и все те же сигареты. Вряд ли на этой планете растет табак.

Вот о пиве Эйхгорн особо не сожалел. Что-нибудь алкогольное уж верно найдется и здесь. От толстого стражника, например, явственно разлило спиртным.

А даже если вдруг ничего не найдется – перегонный аппарат Эйхгорн сделать сумеет. Инженер-конструктор по профессии, талантливый изобретатель и любитель сложных вычислений, он был из тех людей, что своими руками собирают автомобили.

Конечно, здесь автомобиль собрать не удастся. Просто не те условия – нет нужных материалов, нет инструментов... ничего нет.

Хотя, если вдуматься... а почему нет, собственно? С «мерседесом» и даже «запорожцем», понятно, ничего не получится, но какую-нибудь паровую тележку Эйхгорн вполне соорудит. Не сразу, не в один присест, но если начать с малого и постепенно двигаться вперед...

В конце концов, самые первые автомобили создавались в условиях пусть и не средневековых, но немногим их превосходящих. Кулибин построил самодвижущийся экипаж еще в восемнадцатом веке!

Это все нужно как следует обдумать. Для начала выяснить, какие возможности предоставляет этот мир. Что есть в наличии, какие уже сделаны изобретения, в каком состоянии промышленность.

Определившись – действовать в соответствии.

За окном уже смеркалось. Источников света в камере не было, а день выдался долгий и утомительный. Эйхгорн поднял к лицу запястье, удостоверился, что стрелка вормолеграфа не движется, и устало закрыл глаза.

В сон он провалился почти сразу же. Но почти сразу же из него и выпал. Снаружи раздался ужасный звон, как если б кто-то дубасил в медную колотушку.

Подтянувшись к окну, Эйхгорн увидел, что именно так и есть. Два стражника шли по улице, причем один колотил в мятый овальный гонг, а другой размахивал факелом и орал во всю глотку:

– Спокоооойной нооооочи!!! Всеем спокооойной нооооочи!!! Приятных снооооооов!!!

– Наблюдение, – произнес Эйхгорн в диктофон. – Народ здесь живет дурной. Возможно, я все-таки на Земле.

Глава 6

Когда Эйхгорн проснулся, в окно уже лились солнечные лучи. Снаружи доносились приглушенные голоса, а у двери стояла чашка воды, накрытая краюхой хлеба, смазанной чем-то вроде овощного соуса.

Эйхгорн включил смартфон. Заряда уже только тридцать пять процентов. И, разумеется, по-прежнему никакой связи. Он не перенесся за время сна обратно на Землю.

Интересно, сколько времени? Эдил обещал аудиенцию в пятом рассветном часу... надо будет при случае выяснить, сколько их всего. И вообще какой тут длины час. Сутки по ощущениям такие же или почти такие же, как дома.

Включив диктофон, Эйхгорн принялся надиктовывать пришедшие за ночь мысли. Делать аудиозаметки давно уже вошло у него в привычку, и маленький диктофон всегда лежал в нагрудном кармане. Конечно, у смартфона тоже есть такая функция, но он досадно быстро разряжается. Розетка в экспедиции – роскошь.

А диктофон работает от батарейки. Одной-единственной штуки хватает на тридцать семь часов работы. И в рюкзаке еще шесть запасных.

Прошло еще часа два. Эйхгорн измерил площадь и объем новой камеры (7,98 м³ и 23,06 м³), пересчитал кирпичи в стенах и уже начал поглядывать на кучу соломы, когда снаружи донесся колокольный звон. Сразу после этого дверь отворилась, и Эйхгорна вывели наружу.

Полицейский участок, или как там правильно называется это учреждение, располагался в дворцовом флигеле. Теперь же Эйхгорн оказался в самом дворце – и был он довольно уютен. На стенах фрески и гобелены, на полу мягкие ковры, потолки побелены. Освещение, правда, не очень – все те же факелы, причем горящие через один. Экономят, видать.

Эйхгорна вели уже незнакомые стражники – вчера он их не видел. Интересно, какой у них график дежурств? Что там с выходными, с отпусками?

Любопытство не было праздным – Эйхгорн уже твердо вознамерился устроиться на службу. Для начала временно, пока разбирается, куда угодил. Потом, когда разберется, будет думать дальше.

Некоторое время его промариновали в приемной. Кроме Эйхгорна там ожидали еще два посетителя – нервный человечек с бегающими глазками и заплаканная девушка. Приглядевшись, Эйхгорн узнал в ней вчерашнюю сокамерницу, и уже хотел заговорить, но двери открылись, и напыщенный халдей прогундосил:

– Его величество повелевает войти следующему просителю!

Эйхгорн, все еще в сопровождении стражников, вошел в тронный зал. Возможно, ему следовало поклониться, встать на колени или исполнить еще какой-то ритуал, но он понятия не имел, какой именно. Панаму он на всякий случай снял, но что делать дальше – не знал.

Вообще, все эти церемонии и правила этикета он считал вопиющей глупостью, но если они требовались протоколом – соблюдал. Ибо если ты соблюдаешь правила – изволь соблюдать их все, в том числе и дурацкие. Что получится, если каждый человек будет соблюдать лишь те правила, которые считает разумными? Воцарится чудовищный бардак, поскольку большинство людей – идиоты.

Впрочем, никто вроде не расстроился, что Эйхгорн стоит столбом. Да и народу в тронном зале было совсем немного. В относительно небольшом, скромно обставленном помещении имелся только трон на возвышении, ведущая к нему красная дорожка и огромное витражное окно. Вдоль стен еще оставалось немного места для зрителей... зрителя. Он в зале был всего один – какой-то сухонький старичок в желтой мантии и высокой шапке.

Кроме него присутствовал только обслуживающий персонал. Лакей у входа, приведшие Эйхгорна стражники, два явных телохранителя позади трона, да склонившийся к подлокотнику эдил.

И сам король, конечно. Его величество Флексиглас, добродушно вззирающий на Эйхгорна.

Лет ему на вид было сорок пять – пятьдесят. Примерно одного роста с Эйхгорном, но вдвое шире в талии, краснолицый, с утонувшим в щеках носиком-пуговкой и хитро поблескивающими глазками. Вместо короны на голове у него была вязаная шапка.

А на ногах тапки.

– Вот, ваше величество, о нем я говорил, – сказал эдил. – Это и есть тот самый Исидоряка, якобы волшебник.

Эйхгорн посмотрел на эдила снулым взглядом. Другой бы на его месте возмутился перевернутым именем, но Эйхгорн никогда не придавал значения таким пустякам. В конце концов, имя – это всего лишь набор фонем, используемый для того, чтобы отличать людей друг от друга. И Эйхгорн всегда считал, что система численных обозначений была бы разумнее.

Но эдилу ему все равно захотелось врезать.

– Так-так, – приветливо покивал король. – Так-так. Издалека к нам, мэтр?

– Я... – открыл рот Эйхгорн.

– Прямо скажу, уже и не ждал, – перебил король. – Не ждал. Я ведь четыре года еще назад посылал в Мистерию запрос, что у меня вакансия свободна, но что-то никто не откликнулся. Оно понятно, конечно – кому там мой Парибул нужен? Смех один. А теперь что ж, все-таки нашелся доброволец?

– Я...

– Это хорошо, – не давал вставить слова король. – Это очень хорошо. Ты не смотри, что у меня королевство на ноготке уместиться может. Хоть маленькое, да зато все под боком. И люди все золотые. У нас не как у других, где все друг другу чужаки и кругом политес. Я ж тут, почитай, каждого подданного в лицо знаю.

– Я...

– Хотя это я приукрашиваю, конечно, – фыркнул король. – Сорок тыщ человек в лицо знать невозможно. Но все равно люди золотые. И природа у нас красивая. Сейчас не сезон, но вот через месяц грибы пойдут, ягоды... Охота у нас хорошая, оленей полно. Правильно сделал, что ко мне подался, мэтр. По деньгам не обижу, не думай. Какой университет заканчивал, кстати?..

– Политех, – саркастично ответил Эйхгорн.

– Политех... Политех... не, не слышал о таком, – с сомнением произнес король. – А это что же, не в Мистерии?

– Это в Санкт-Петербурге.

– Понятно, – явно помрачнел король. – Ну да, конечно, а я уж размечтался. Из Мистерии, конечно, сюда никто по своей охоте не поедет. Второстепенная школа в каком-то захолустье, о котором я даже не слышал. Можно посмотреть твой диплом?

– Дома оставил.

– Дома оставил, ага. Верю. Охотно верю.

Король на глазах скучнел. Эйхгорн тоже немного скис – он совсем не ожидал, что у волшебника будут требовать диплом о высшем образовании. Наглядные-то доказательства он приготовил, а вот про бумажные формальности даже не подумал.

Ему казалось, что в Средневековье с этим как-то попроще...

– Ваше величество, может, я лучше просто покажу свои способности? – рискнул Эйхгорн.

– Ну покажи, раз уж диплома нет, – вяло согласился король.

– Только... – замялся Эйхгорн, – нельзя ли вначале вернуть мои вещи?

– Я у тебя ничего не брал, – нахмурился король.

– Я и не о вас говорю, – посмотрел снулым взглядом Эйхгорн. – Ваша стража при задержании отобрала мой рюк... мешок с вещами. А там есть некоторые магические инструменты. Неправильное обращение с ними может быть чревато неприятными последствиями...

– Эй, там, верните мэтру Исидоряке его цацки! – махнул рукой король.

Эйхгорн тяжело вздохнул. Все, похоже, он теперь навсегда мэтр Исидоряка.

Рюкзак принесли уже через пару минут. И он действительно оказался разграбленным, но далеко не так сильно, как Эйхгорн опасался. Все важное лежало на месте. Даже пиво и сигареты – хотя стражники, возможно, просто не поняли, что это такое.

В основном пострадали продукты – колбаса, сосиски и козинаки исчезли, от сыра остался крохотный кусок, а шоколад надкусили в нескольких местах. Похоже, стражникам он просто не понравился – Эйхгорн предпочитал очень горький шоколад, на девяносто девять процентов из какао.

Кроме того, стражники вскрыли одну упаковку растворимой вермишели и проткнули чем-то острым одну из банок тушенки. Саму тушенку, правда, не тронули – наверное, тоже не понравилась.

И еще исчез нож. Но тут же нашелся. Эдил выудил его из собственного кармана и с крайней неохотой вернул хозяину.

Эйхгорн хотел было пожаловаться на пропажу и других вещей, но наткнулся на предостерегающий взгляд эдила и передумал. Колбасу он уже точно назад не получит, а вот занять недоброжелателя вполне может.

– Ладно, мэтр, показывай, что умеешь, – нетерпеливо махнул рукой король. – Ты тут у меня не один, мне сегодня еще... сколько у меня там людей-то в приемной еще?..

– Двое, ваше величество, – подсказал эдил.

– Двое... ладно, подождут. Но ты все равно не гневи Пустынника, мэтр. Давай быстрее.

Эйхгорн, уже спрятавший в кулаке зажигалку, театрально провел рукой, чиркнул колесиком и выкрикнул:

– Снип-снап-снурре, пурре-базелюрре!

Король равнодушно уставился на горящее над голой рукой пламя. Почесал шею и критично сказал:

– Очень уж маленький огонек. А побольше можешь?

– К сожалению, расположение звезд сейчас неблагоприятное... – начал Эйхгорн.

– Не держи меня за страбара, мэтр, – раздраженно перебил его король. – Не можешь – так и скажи. Еще что умеешь? А то камин я и огнивом зажечь могу.

Эйхгорн взялся за фонарик. Стражники, само собой, его осматривали. Не исключено, что пробовали нажимать кнопки и крутить ручку. Но динамо-фонарь был устроен хитро, и для работы требовалось произвести целый цикл манипуляций. Сначала переключить на «вкл», потом активировать один из световых режимов (их было три), и только после этого начать крутить ручку.

Сейчас Эйхгорн все это проделал, и по стенам забегало пятно света. В темноте это выглядело бы лучше, но дожидаться ночи возможности не было.

Король снова никак не отреагировал. Скучно глядя на крутящего ручку Эйхгорна, он спросил:

– Это что, волшебный светильник?

– Ну да, он самый... – растерянно ответил Эйхгорн.

– Эка невидаль. Мэтр, ты мне начинаешь надоедать.

Эйхгорн почувствовал себя уязвленным. Он уже понял, что профессиональные волшебники в этом мире – такая же норма жизни, как в земном Средневековье – профессиональные астрологи и алхимики. Даже больше – у них есть свои учебные заведения, дипломы. И они явно поднаторели в своих фокусах, раз его технические чудеса не производят должного впечатления.

К счастью, у Эйхгорна еще оставались козыри. Заряд смартфона упал уже до тридцати процентов, но большего и не требовалось.

– Ваше величество, видели ли вы свой город? – интригуяюще спросил он.

– Ну видел, конечно, чать не слепой...

– А хотите увидеть его прямо здесь, сейчас?

Король приподнял брови. Эйхгорн торопливо отыскал в галерее снимок Альбруина и с гордым видом продемонстрировал его толстяку на троне. На сей раз тот подался вперед с явным интересом, но попенял, что картинка такая маленькая.

Эйхгорн несколько минут листал фотографии, показывая в том числе сделанные на Земле. К сожалению, среди них не было ничего захватывающего – перед вылетом он очистил карту памяти, а в аэропорту и в Якутске ни разу не фотографировал. В галерее нашлись только виды тайги и несколько снимков червоточины – но она на фотографиях смотрелась просто кольцевым облаком.

Также Эйхгорн прямо в тронном зале сделал несколько снимков короля и его придворных, тут же их продемонстрировав. Это вызвало у его величества Флексигласа уже почти милостивую улыбку.

– Забавная штучка, – покивал он. – Дай-ка я тоже попробую!

– К сожалению, в чужих руках не работает, – сделал скорбное лицо Эйхгорн, быстрым движением ставя блокировку. – Нужны специальные заклинания, ваше величество...

- Жаль-жаль... Эти ваши волшебные зеркала все такие, да?.. Кинельская королева говорила, что ее зеркало тоже без заклинаний не работает.

- А у нее тоже есть волшебное зеркало?.. - удивился Эйхгорн. - Вы сами видели?..

- Нет, она мне рассказывала, когда в гости наезжала... давно, она тогда еще принцессой была.

- Ах, рассказывала... - понимающе хмыкнул Эйхгорн.

- Ну да. Но у нее оно большое, в спальне висит. А твое-то поудобнее, маленькое. Сделаешь мне такое же?

- Боюсь, для этого требуются некоторые специальные компоненты, - отбарабанил Эйхгорн, ожидавший подобной просьбы. - Перо феникса, сухожилие дракона, волос из хвоста единорога...

- Короче, этого ты тоже не можешь, - перебил король. - Еще что-нибудь покажешь?

У Эйхгорна осталось уже не так много вариантов. Он решил, что просто записанный на диктофон голос короля уж точно не впечатлит, и перешел сразу к айподу. По счастью, ему не пришлось совать королю в ухо наушник - эта модель нормально работала и без них.

Но когда Эйхгорн включил музыку, король аж подпрыгнул на троне. С ужасом глядя на изрыгающий хард-рок прибор, он возопил:

- Мраморная Дева, защити нас! Что это за омерзительный грохот?!

- Это музыка, ваше величество, - ответил Эйхгорн.

- Это не музыка! - возмутился король. - Это мерзкая какофония! Немедленно прикажи своей демонической шкатулке умолкнуть!

Эйхгорн пожал плечами и выключил айпод. Что ж, по крайней мере, у короля есть вкус.

– Ты ведь недипломированный волшебник, верно? – прищурился Флексиглас. – А может, вообще недоучка? Не прими в обиду, мэтр, но... ну серьезно, что за гумно ты мне тут подсовываешь?

Эйхгорн стоял как оплеванный.

– Конечно, у меня не так чтобы очень большой выбор... – пробормотал король. – Волшебники к моим дверям в очереди не стоят. Наш прежний придворный волшебник, мэтр Гвенью... ты с ним не был знаком, нет?..

Эйхгорн мотнул головой.

– Папа нанял его случайно, – доверительно сказал король. – Я тогда был еще малец, но помню, что у него просто сломался дилижанс, кончились деньги, и он пришел к папе предложить свои услуги, а потом так вышло, что получил постоянную должность. Представляешь?

Эйхгорн покивал. Похоже, этот мэтр Гвенью лучше умел показывать фокусы, чем Эйхгорн.

– Но у него, конечно, был настоящий диплом, из Мистерии, – вздохнул король. – Мэтр Гвенью был бакалавром Фармакополиума. Не ахти что... лично я предпочел бы кого-нибудь из Репарина... но мэтр Гвенью хорошо справлялся. Он прослужил нам тридцать лет с хвостиком... под старость, правда, слегка свихнулся, но вы же все рано или поздно сходите с ума, верно?

– Кто мы?

– Вы, волшебники.

– Это преувеличение, ваше величество, – холодно ответил Эйхгорн.

– Ну-ну, как скажешь. Так что, умеешь ты хоть что-нибудь полезное? Духа, например, сможешь призвать?

- Это не ко мне, это к военному, - посмотрел снулым взглядом Эйхгорн.

- То есть тоже не можешь, - вздохнул король. - Жаль, я давно хочу побеседовать с покойной матушкой... узнать, куда она запихала фамильные бриллианты... Жаль, жаль... И я даже не спрашиваю, можешь ли ты вылечить меня от облысения...

- Не могу, - сумрачно ответил Эйхгорн, невольно глядя собственную лысину.

- Понял уже. Маловато, мэтр, маловато! Для такой-то должности, при дворе! Конечно, я все понимаю, на волшебника получше мне рассчитывать нечего...

- Ваше величество, просто мое волшебство нельзя показывать с бухты-баракты, - решительно произнес Эйхгорн. - Если вы дадите мне несколько дней на подготовку, я сумею вас поразить!

Король пристально уставился на него, поджав губы. Эйхгорн почти что слышал его мысли.

С одной стороны - чародей-самозванец явно не впечатлил парибульского монарха. Еще немного - и шарлатана кинут обратно в темницу, а потом начнут допрашивать с пристрастием. Выпытывать, кто он такой на самом деле и какого черта делает тут безо всяких документов.

С другой стороны - королю явно ужасно хотелось обзавестись волшебником. В этом отношении Эйхгорну повезло. Королевство Парибул оказалось таким маленьким, бедным и захолустным, что все настоящие волшебники воротили от него нос.

То есть те, которых здесь считают настоящими.

- Ладно, - хлопнул наконец в ладоши король. - Твоя взяла, мэтр, дам тебе шанс. Ты принят с испытательным сроком в пол-луны. На это время я положу тебе жалованья один регентер в день плюс стол, постель и один слуга. Если сумеешь доказать, что стоишь большего - дам прибавку. Не сумеешь - ступай на все четыре стороны.

Эйхгорн воспрянул духом. На удивление удачно сложилось. У него будет некоторое время, чтобы разобраться во всем, и на этот срок он обеспечен жилищем, пищей и деньгами. И если даже через эти пол-луны король выгонит его взащей – он ничего не потеряет.

– И еще, конечно, ты получишь сто пятьдесят палок, – добавил король.

– За что? – слегка напрягся Эйхгорн.

– За попытку обмануть монаршую особу. Меня то есть.

Вот это Эйхгорну совсем не понравилось. Сто пятьдесят палок... это очень много палок. В десять раз больше, чем за браконьерство. Конечно, неизвестно, какой эти палки величины, с какой силой ими бьют, но предчувствие нехорошее.

Похоже, лучше ему не проваливать королевскую аттестацию.

Дальше пошли бюрократические формальности. Скрипя костями, явился иссохший морщинистый старик – королевский казначей. По приказу своего сюзерена он вписал в пожелтевший гроссбух: «Медный Ястреб 1514, зачислен придворный волшебник Исидоряка – 1 регентер в сутки». Глядя на Эйхгорна выцветшими глазами, казначей сообщил, что жалованье будет начисляться начиная с завтрашнего дня, получать по Малахитовым дням. В иные дни не беспокоить.

Потом Эйхгорну велели принести присягу. Откуда-то из-за трона извлекли толстую книгу в кожаном переплете, Эйхгорн положил на нее руку, и эдил скомандовал:

– Повторяй за мной. Я, имя...

– Я, Исидор Яковлевич Эйхгорн...

– ...клянусь, назови своего бога...

– ...клянусь Летающим Макаронным Монстром...

– Минуточку! – раздался гневный окрик. – Минуточку!

То вскинулся старик в желтой мантии, все это время безучастно подпиравший стенку. Эйхгорн не обращал на него внимания, почитая каким-нибудь секретарем или иным протокольным служащим.

Но теперь тот, потрясая тяжелым посохом, подступил к трону и яростно спросил:

– Что это за монстром вы там клянетесь, мэтр Исидоряка?! Вы не демонит ли, случайно?! Не малиганин ли?!

– А вы сами-то кто такой будете? – ответил снулым взглядом Эйхгорн.

– Я епископ Далион!

Эйхгорн мысленно проклял свое чувство юмора. Он же понятия не имеет, что здесь делают со всякими еретиками. Вдруг сразу на костер?

С другой стороны – а что ему было говорить, чем клясться? Слово «атеист» туземцы скорее всего даже не знают. А имен местных богов не знает сам Эйхгорн.

Однако... епископ?.. Значит, все-таки Европа?.. Христианство?.. Или нет?.. Эйхгорн не был уверен, как одеваются епископы, но вроде бы как-то иначе... кажется, у них такие красные круглые шапочки... или это у кардиналов?..

Стоп. До Эйхгорна вдруг дошло, что святой отец сказал вовсе не «епископ». Он сказал... сказал... почему-то мозг отказывался воспринимать это слово, упорно подменяя его знакомым «епископ».

И такая ерунда происходит уже не в первый раз. Эйхгорна порядком раздражало, что он не понимает причин этого явления.

– Давайте-ка проясним ситуацию, – ткнул Эйхгорну пальцем в грудь епископ. – К какой конфессии принадлежите, мэтр?

Эйхгорн замялся. Сейчас в нем боролись принципы и антипатия к высоким температурам. В конце концов принципы все же взяли верх, и он решительно ответил:

- Ни к какой.

- То есть как это? - нахмурился епископ. - Какому богу вы поклоняетесь?

- Никакому.

- Это как это?.. Вы не безбожник ли, случайно?

- Он самый.

Лицо епископа перекривилось, словно он съел незрелый лимон, однако никаких эксцессов не последовало. Святой отец лишь окинул Эйхгорна полным презрения взглядом и вернулся на место.

Похоже, у здешних попов нет такой власти, как у испанской инквизиции - ну и то хлеб. Главное, чтоб не сожгли - а что он там о нем думает, Эйхгорна не колышет.

- Эй, там, проводите мэтра Исидоряку в его башню! - хлопнул в ладоши король. - Аудиенция окончена! Впускайте следующего!

Глава 7

Эйхгорну действительно выделили личного слугу - мальчишку-пажа. Тот оказался жизнерадостным, непосредственным и ужасно болтливым. Провожая Эйхгорна в его новую квартиру, он в первые же три минуты успел рассказать, что ему двенадцать лет, что его родители владеют бакалейной лавкой, а сам он уже третий год служит при дворе и планирует еще года через два стать лакеем, а потом камердинером или дворецким.

Кроме того он поведал, что у него есть старшая сестра и младший братишка – сестра в прошлом году вышла замуж за подмастерье стеклодува, а брат учится ремеслу у пекаря Гухчи. Мэтр Исидоряка незнаком с пекарем Гухчи? Ну как же, тот печет лучший хлеб в Альбруине! Вот такой хлеб! На всю улицу пахнет!

Своему новому назначению Еонек – так звали пажа – был донельзя рад. Как он поведал, пажи по статусу полагаются всем королевским сановникам, но сановников всего шестеро, а пажей одиннадцать – и пятерых незанятых нагружают поручениями так, что присесть некогда.

А служить придворному волшебнику – это вообще везуха. Остальные пажи точно обзавидуются.

– Мэтр, а сколько вам положили жалованья? – жадно спросил Еонек.

– Регентер в день, – ответил Эйхгорн, размышляя о своем.

– Золотой или серебряный?

– Забыл спросить.

– Наверное, золотой, – рассудительно сказал паж. – Серебряный регентер – это очень мало для волшебника. У меня дядя столько получает.

– А кто у тебя дядя?

– Десятник королевской пехоты. Нет, для пехотного десятника серебряный регентер – это хорошее жалованье, но для волшебника – совсем маленькое.

Эйхгорн хотел было спросить, насколько золотой регентер дороже серебряного, и какой вообще у этой валюты курс, но вовремя себя оборвал. Будет подозрительным, если он начнет расспрашивать о вещах, которые здесь известны даже малым детям. Сам понемногу разузнает, окольными путями.

Вообще, Эйхгорн решил поменьше раскрывать рот, зато уши держать на макушке. Любая информация может пригодиться, любая мелочь – оказаться полезной.

Резиденция придворного волшебника размещалась в башне. А башня – на отшибе, отдельно от остальных строений. Такой узкий и высокий каменный цилиндр, увенчанный нехилым набалдашником.

Камням, из которых он был сложен, явно исполнилось уже немало лет, многие потрескались, какие-то вообще вывалились. Фундамент от времени просел, порог наполовину ушел в землю. Одного взгляда на это хлипкое сооружение хватило Эйхгорну, чтобы проникнуться к нему неприязнью.

Но ничего другого у него не было.

Паж некоторое время корячился у дверной ручки, но так и не справился. Доски совсем рассохлись, а петли заржавели – в башню никто не входил с тех пор, как умер прежний волшебник. Только с помощью Эйхгорна мальчишке удалось наконец распахнуть дверь.

За ней оказалась крохотная пыльная лестничная площадка. И лестница – очень крутая и длинная, вьющаяся винтом до самого верха. Взбираясь по ней, паж не переставал трещать, рассказывая о прежнем волшебнике. Сам Еонек почти его и не помнил – мэтр Гвенью умер до того, как мальчишку взяли в пажи. Но он охотно передал Эйхгорну все, что слышал от других слуг.

– Говорят, он помер, когда купался, – поделился Еонек. – Пришли к нему утром – а он сидит в бадье, голый совсем и холодный уже. Старый был совсем.

– А как он выглядел? – без интереса спросил Эйхгорн.

– Да я его видел-то пару раз, и то издалека – когда он книги из окна швырял.

– Швырял из окна книги?.. – удивился Эйхгорн. – Зачем?

– Да он совсем спятил к старости. Весь последний год даже из башни не выходил – все время сидел тут, колдовал что-то, а иногда распахивал окно, вопил и швырялся книгами. Весь двор был в страничках.

Эйхгорн мысленно сделал зарубку на память. Эксцентричность и дикие выходки волшебнику не возбраняются. Возможно, даже будут больше уважать.

– Прежний король его выгнать хотел, да жалел, – тут же опроверг его размышления паж. – Куда бы мэтр Гвенью подался? Да и на его место никого больше не было...

На лестнице царила кромешная тьма. Еонек притащил с собой факел, но Эйхгорн вместо этого зажег фонарик. В отличие от короля, мальчишка глядел на земную технику восторженными глазами, а на полдороге наконец собрался с духом и попросился тоже попробовать. Эйхгорн доверил ему фонарь с облегчением – и без того было тяжело подыматься с рюкзаком по крутым ступеням.

Заполучив фонарик, паж сразу умчался вперед. Сверху доносился звенящий голос и мелькал электрический свет. В полуразрушенной средневековой башне он смотрелся чертовски чужеродно.

– Сюда, мэтр! – позвал Еонек. – Осторожно, тут люк!

Эйхгорн сделал последний шаг и очутился в своих новых апартаментах. Он сразу оценил их достоинства – обилие света и великолепный вид. Город явно расположен на холме, а эта башня в нем – самое высокое здание.

И панорама открывается просто потрясающая.

К сожалению, этим достоинства жилища исчерпывались. Комната оказалась очень просторной, но заваленной всяким хламом и продуваемой всеми ветрами. Дверей как таковых не было – только люк в полу... даже два люка. Из одного Эйхгорн только что поднялся, а открыв другой, обнаружил, что смотрит в пропасть.

Мусоропровод, что ли?

Зато окон целых четыре – на все стороны света. Стекол нет, ставней нет – в плохую погоду здесь явно будет неуютно. Карнизы выступают далеко, так что дождь внутрь попадать не должен, но подоконники грязные, усеянные птичьим гуано. Повсюду пыль, копоть и запустение. Углы заросли паутиной.

Несколько лет назад Эйхгорн общался с человеком, также страдающим обсессивно-компульсивным расстройством, но у него это была мания порядка.

Он все делал строго по часам, расставлял книги по алфавиту, упорядочивал и систематизировал каждую мелочь. В его доме царила атмосфера операционной – и в этой комнате он бы забился в истерике.

По счастью, у Эйхгорна всего лишь арифмомания. Он никогда не испытывал неприязни к мусору и беспорядку. Да и вообще был крайне неприхотлив в том, что касалось личных удобств.

Конечно, потом он непременно классифицирует все свое новое имущество, измерит площадь и объем помещения, пересчитает камни в стенах... но это нормально. Все так делают, въезжая в новое жилище.

А сейчас Эйхгорн просто осматривался. Мысленно он присвоил этой хибаре две... нет, одну звезду. Вряд ли здесь кто-то будет ежедневно убираться. Вряд ли здесь кто-то вообще когда-либо убирался.

– Мэтр, я сейчас вычищу тут все! – словно услышал его мысли паж.

Не дожидаясь ответа, Еонек умчался. Эйхгорн бросил рюкзак на пол и покачал головой. Меблировка старая, ветхая, разве только не рассыпается. Если хоть одному предмету здесь меньше двадцати лет, Эйхгорн сильно удивится.

Кровать. Узенькая, жесткая, заваленная пыльными шкурами. Наверняка полно насекомых.

Стол. Огромный, массивный, покрытый застарелыми пятнами разных цветов. Множество вмятин и отверстий – справа вообще не хватает большого куска. Выглядит так, словно кто-то просто отгрыз кусок столешницы, приняв ее за лепешку.

Ну и дурной же народ здесь живет.

Стулья. Два. Явно шли в комплекте со столом – такая же древесина, такой же стиль.

Кресло. Одно. Большое, пыльное, с резными подлокотниками в виде голов какой-то рептилии. Накрыто грязной рогожей.

Шкаф. Старый, трухлявый, занимает полстены и наполовину загораживает одно из окон. Эйхгорн насчитал в нем двадцать три отделения – от двери в рост человека до ящичка размером с котенка. Пять дверец отсутствуют, выставляя содержимое напоказ, еще три висят на соплях. Одна заперта на ключ, причем самого ключа нигде не видно.

Бадья. Большая деревянная бадья для купания – видимо, та самая, в которой умер прежний жилец. Совсем рассохлась, а на дне устроила гнездо целая семья пауков.

Гора шкур на полу. Вероятно, они заменяют ковер, но навалены неровно, где-то собравшись в настоящие холмы, а где-то открывая голый камень. Ступать по ним было страшновато – Эйхгорн подозревал, что шкуры обитаемы.

Камин. Единственная вещь в комнате, выглядящая достойно. Облицован цветным мрамором, похож на ворота в роскошный особняк... очень маленький особняк. Внутри дровница в форме сплюсненной колонны, сверху резные панели и две статуэтки каких-то кошачьих. Решетка витая, похожая на переплетение дубовых ветвей. К стенке прислонены кочерга, ухват и клещи, рядом висит решето, а внутри – закопченный чугунный котел литров на пятьдесят.

Эйхгорн взял на заметку позднее измерить объем точно.

Зеркало. Грязное, мутное, с большой трещиной в правом нижнем углу, но вполне сносно отражающее. Эйхгорн взглянул на свою хмурую физиономию, оценил заметно удлинившуюся щетину, высунул язык и осмотрел полость рта. Он уже двое суток ходит с нечищеными зубами – это совсем никуда не годится.

Торшер. Не электрический, разумеется, а свечной. Такой большой напольный канделябр с тремя рожками. В центральном торчит оплывший и почерневший огарок, боковые пусты.

Не упомянут остался только один предмет обстановки. Часы. Старые, пыльные, давно сломанные. Стрелок нет, а на циферблате не двенадцать делений, а двадцать шесть. Видимо, в местных сутках двадцать шесть часов.

Довольно неудобное число. Почти простое, ибо имеет всего лишь два простых делителя, два и тринадцать. Сам Эйхгорн выбрал бы для измерения суток одно

из избыточных чисел – двадцать четыре (что, собственно, и имеем на Земле) или тридцать. Избыточные числа гораздо удобнее, поскольку их можно разбить на части множеством способов.

Правда, двадцать шесть – уникальное число, поскольку единственное находится между квадратом и кубом, но удобным оно от этого не становится.

Как следует рассмотрев мебель, Эйхгорн принялся копаться в шкафу. Похоже, после смерти хозяина в нем ничего не трогали – из суеверного страха или по другой причине. Эйхгорна это обрадовало – если повезет, он найдет какое-нибудь полезное оборудование.

Самое большое отделение ожидаемо оказалось одежным – там висело четыре ветхих сизых балахона, похожих на помесь судейской мантии с ночной рубашкой. Эйхгорн достал один, приложил к груди и хмыкнул. Видимо, прежний волшебник был на редкость плюгав.

Или любил носить мини.

Еще там лежало две пары обуви. Очень старые растоптанные шлепанцы и мягкие чупаки с загнутыми носами. То и другое Эйхгорну оказалось мало – да он и не стал бы носить обувь покойника.

А на верхней полочке хранилась дюжина кружевных, довольно хорошо сохранившихся платков и одинокий колпак. Такой классический колпак волшебника – сизый, как балахоны, островерхий, с кисточкой на конце.

Он единственный пришелся Эйхгорну впору. Чародей-самозванец снял панаму, натянул на ее место колпак, посмотрелся в зеркало и издал неопределенный звук. Отражение ему неожиданно понравилось. К тому же колпак был пошит из мягчайшей фланели и удивительно приятно облегал лысину.

Вернулся Еонек, с трудом таща по ступеням ведро воды, тряпку и метелку. Отчаянно прыгая, он принялся сбивать по углам паутину и обметать пыль со стола. Эйхгорн скептически хмыкнул. Здесь нужен не один неуклюжий мальчишка, а целая бригада по клинингу.

Помочь Эйхгорн даже не попытался. У него раньше не было слуг, зато были практиканты – и он считал эту систему разумной. Логично же, что человек, способный исполнять лишь простейшие функции, должен взять их на себя, чтобы он, Эйхгорн, не отвлекался от более важных дел.

Впрочем, Еонек и в одиночку справлялся неплохо. Шкуры он, экономя силы и время, просто бросал в люк, пообещав потом вернуть их чистыми. Пол, стены и мебель паренек сноровисто протер тряпкой, после чего вода в ведре превратилась в бурую вонючую жижу. Комната постепенно приобретала жилой вид.

Эйхгорн тем временем продолжал рыться в шкафу. Еще четыре отделения оказались книжными полками, но книги стояли только на самой верхней, и то неплотно. Похоже, остальное прежний волшебник расшвырял из окон. Уцелела пара пухлых фолиантов, какие-то брошюры и десяток засаленных томиков с черно-белыми картинками. Судя по содержанию – бульварные романы.

На обложках семи – один и тот же светловолосый детина, только в разных позах. Названия тоже похожие – «Рыцарь Парифат и Колодец Смерти», «Рыцарь Парифат и Братство Добрых», «Рыцарь Парифат и Озерная Дева», «Рыцарь Парифат и Око Паргорона», «Рыцарь Парифат и Клубящийся Ужас», «Рыцарь Парифат и Властелин Идимов», «Рыцарь Парифат и Владычица Эльфов».

Скорее всего, местный аналог Конана-Варвара.

Листая книги, Эйхгорн сделал для себя три открытия. Первое – читать на местном языке он тоже может. Это совершенно точно не кириллица, не латиница, не греческий, не иврит и вообще не какой-либо из известных Эйхгорну видов письменности. Но эти незнакомые значки загадочным образом складываются в слова, а те – в осмысленный текст. Написан он привычным образом, слева направо, по строчкам.

Второе – письменность здесь буквенная. Не пиктограммы, не иероглифы, не syllables. Буквы. Причем их довольно мало – Эйхгорн насчитал всего восемнадцать штук. Правда, применяются они с разными модификациями – диакритическими знаками, иными изгибами линий... Насколько Эйхгорн понял, от этого меняется произношение – буквы становятся твердыми или мягкими, глухими или звонкими. Б превращается в П, Ш в Щ, Э в Е и так далее.

Также есть разделение на слова, применяются знаки препинания – точка в середине строки и вертикальная черта. Первая, по-видимому, играет роль запятой, а вторая – точки. Иногда встречаются две и даже три вертикальных черты, но смысл этого Эйхгорн пока что не понял. Возможно, аналог многоточия или восклицательного знака.

Третье – в этом мире еще не изобрели книгопечатания. Книги написаны от руки. Очень красивым каллиграфическим почерком, каждая буква выведена с огромным старанием, но текст несомненно рукописный. Следовательно, томики в руках Эйхгорна должны стоить немалых денег, и очень странно, что их так просто бросили здесь пылиться.

Беллетристику и брошюры Эйхгорн пока отложил в сторону. А вот фолианты изучил со вниманием. Первый назывался «Ктава» и состоял из четырех разделов: Севигиада, Небесный Закон, Предания Мертвых и Дыхание Песни. По всей видимости, местное Священное Писание.

Религия Эйхгорна интересовала очень мало, но он взял на заметку потом ознакомиться с основными постулатами. Чтобы не попадать впросак.

Второй фолиант был поинтереснее. Судя по иллюстрациям – какой-то справочник или энциклопедия. Почти на каждой странице встречались изображения растений (довольно плохонькие), человеческих органов, минералов.

Только вот прочесть Эйхгорн не сумел ни слова. В отличие от всех остальных, эта книга была написана на непонятном языке. Даже буквы несомненно другие.

Обидно, книга явно заслуживает изучения.

В других отделениях шкафа лежал в основном хлам и мусор. Однако нашлись там и весьма полезные предметы.

Например, очень неплохой, хотя и ужасно пыльный набор химического оборудования. Колбы, пробирки, кюветы, мензурки, пипетки, реторты, фарфоровый тигель, аптекарские весы, пинцет, горелка, водяная баня, газовый фильтр и даже перегонный аппарат. Это Эйхгорна ужасно обрадовало, а заодно прояснило род занятий прежнего «волшебника».

Химия, обычная химия. И никаких чудес.

В химии Эйхгорн не был глубоким специалистом, но, как и любой нормальный человек, владел основами. При наличии средств и компонентов он мог сварить хоть нитроглицерин, хоть метамфетамин – хотя, разумеется, никогда в жизни этим не занимался.

Кое-какие химикаты в шкафу тоже нашлись. Не все сохранились нормально, некоторые за минувшие годы выдохлись или испортились, но большинство содержалось в герметичных сосудах, так что с ними ничего не случилось. Бегло их осмотрев, Эйхгорн опознал крахмал, поваренную и бертолетову соль, ртуть, серу, фосфор, магний, киноварь, этиловый спирт, хлорид аммония, нитрат бария, азотную, борную и соляную кислоты. Неопознанные он пока трогать не стал, решив позднее провести полную ревизию.

В другом отделении лежали писчие принадлежности. Толстая стопка пожелтевшей, но все еще пригодной бумаги, огромная чернильница (правда, чернила высохли), стальное перо с натуральным опахалом, деревянная линейка, измерительный циркуль и еще какой-то непонятный предмет, похожий на тонкий скребок.

Судя по линейке, меры длины тут отличаются от СИ. Даже на глаз видно, что расстояние между жирными штрихами больше сантиметра, а между тонкими – больше миллиметра. К тому же жирные разделены не на десять, а на девять делений.

Еще Эйхгорн нашел колоду карт. Не похожи на земные, но это точно карты. Сорок четыре штуки, четыре масти – короны, мечи, монеты и какие-то спиральки. Изображения символические, но вполне угадывающиеся.

Кроме спиралек, конечно.

– Это может оказаться полезным в моей презентации, – сделал аудиозаметку Эйхгорн, перебирая карты. – Можно предположить, что масти символизируют власть, силу, богатство и... что-то еще. У меня пока нет идей насчет того, что означает эта спираль.

– Мэтр, а вы на каком языке сейчас говорите? – с любопытством спросил паж, скобля тряпкой стол.

Эйхгорн ничего не ответил, но мысленно пополнил свою копилку фактов. Если он говорит сам с собой, то изъясняется по-прежнему на русском. Если же обращается к местному жителю, говорит на туземном наречии, не прилагая никаких усилий. Интересно, что произойдет, если он заговорит с другим землянином или иноязычным туземцем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rudazov_aleksandr/arifmoman-chervotochina

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)